

КАССИАН МАРИНЕР

Мой жестокий
Сводный страж

Кассиан Маринер

Мой жестокий сводный страж

«Литнет»

2026

Маринер К.

Мой жестокий сводный страж / К. Маринер — «Литнет», 2026

В детстве я сделала его жизнь адским кошмаром. Высокомерная госпожа и безродный щенок, которого я изводила насмешками из чистой гордости. Я думала, что навсегда избавилась от него, когда он сбежал. Ошибалась. Спустя годы он вернулся. Теперь Мо Цюньцзюэ — безжалостный командир Императорской гвардии, а мой клан обвинен в государственной измене. Расследование поручено ему, и теперь этот дикий зверь — мой хозяин. В его глазах горит жажда мести, а в каждом движении — порочное обещание сломать мою спесь. Он хочет заставить меня заплатить за каждую прошлую слезу. Но почему, уничтожая мою жизнь, он продолжает сходить по мне с ума? В тексте вас ждут: ♦ Одержимый и жестокий герой ♦ Противостояние характеров и жгучая ненависть ♦ Героиня с непростым, жестким характером ♦ Тайны прошлого и эмоциональные качели

© Маринер К., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	23
Глава 7	27
Глава 8	30
Глава 9	32
Глава 10	34
Глава 11	37
Глава 12	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Глава 1

Это был праздник красных фонарей, поэтому по столице блуждал сладкий запах. Весь город был залит светом от множества бумажных фонариков, которые плыли по небу и отражались в тёмных водах каналов. Мы же в это время сидели в главном зале усадьбы Фан, но весело нам не было. Тишина давила на наши плечи и уши, и мы только ждали, когда вернётся глава семейства.

Я одета в многослойное ханьфу из тяжёлого алого шелка, которое расшито золотыми журавлями. Волосы уложены в сложную высокую причёску, которую оттягивали назад нефритовые и золотые шпильки. Такие наряды превращали меня в дорогую, хрупкую куклу, которую выставили напоказ, демонстрируя увядающее величие. Мой отец, глава клана Фан, слишком задерживался на императорском приёме, поэтому матушка то и дело перебирала четки, сидя по левую руку от меня. Было такое ощущение, словно надвигается что-то нехорошее или скоро будет гроза. Весна в этом году выдалась на удивление слишком душной.

— Почему от отца до сих пор нет вестей? Почему он так долго задерживается? — произнесла матушка дрогнувшим голосом, нарушив тишину, в которой мы плавали и в которой был лишь один звук того, как чадит свеча и как капает с неё воск.

— Император слишком сильно благоволит нашей семье, наверняка он пожелал обсудить с отцом какие-нибудь налоги. Нам не о чем беспокоиться, успокойтесь, — ответила я, смотря на свою пиалу с давно остывшим чаем, отчего он потерял вкус.

Я лгала и понимала это. В последнее время в нашей семье было слишком много неприятностей. Во дворце то и дело шептались о пропавших налогах и странных смертях мелких чиновников из южных провинций, которые были нам подвластны. И из-за этого над нашей семьёй скопились тёмные тучи. Мы были кланом Фан — древним родом с непоколебимой властью. Мне хотелось верить, что наши позиции нерушимы, но ледяной ком в груди подсказывал: тучи над нашей семьёй сгустились не просто так.

И вдруг тишину ночи потревожил грохот, от которого содрогнулись деревянные балки нашего потолка. Кто-то целенаправленно и жёстко начал выбивать главные ворота нашей усадьбы. Матушка вскрикнула, выпустив четки из рук, и подскочила. Снаружи то и дело раздавались удары, крики и ритмичный топот сотен сапог.

— Первая госпожа! Госпожа! Это императорская гвардия! Они прорвали наши ворота! — в зал ворвался управляющий с белым, как у мертвеца, лицом; его шапка сбилась набок, а сам он запыхался.

Моё сердце пропустило тревожный удар. Императорская гвардия, которая подчинялась только Сыну Неба, пришла под наши ворота. Всем известно, что они приходят только за тем, чтобы кому-нибудь вспороть горло.

— Успокойтесь! — прокричала я, прерывая панику, и медленно поднялась, расправляя складки шелка. — Страх — это роскошь, которую мы, женщины из клана Фан, не должны себе позволять. Мы слишком древнего рода, поэтому должны держать власть в руках. Кем мы будем, если позволим себе суетиться и бояться? Ведь род держится только на нас. Я сама встречу их. Вы не выходите.

Я шагнула за порог зала, выходя на широкую террасу. Холодный ночной ветер ударил в лицо, играя моими золотыми подвесками в волосах. Я увидела то, что заставило кровь застыть в жилах. Наш прекрасный сад был растоптан, беседки уничтожены, а сам двор наполнился воинами в чёрной броне. Факелы в их руках отбрасывали огромные тёмные тени, которые напоминали тени демонов. Слуг согнали в кучу, ставя на колени прямо в грязь. А тех, кто медлил, они били древками копий. Крики бедных невинных слуг раздавались от каждого удара.

— Кто смеет вламываться в дом Первого советника в ночь праздника фонарей?! — прокричала я сильным, властным голосом, которому меня учили управлять с детства. Но внутренне я боялась. Сжала руки в кулаки так сильно, что ногти впились в ладони — ещё немного, и потечёт кровь. — Покажите приказ, иначе, клянусь, завтра ваши головы покатаются по земле!

Гвардейцы не отреагировали на мой голос, только медленно, словно по команде, начали расступаться, образуя коридор, из которого шагнул он.

В отличие от рядовых солдат, на нем был тяжёлый доспех, грудь которого украшала чешуя мифического зверя таоте, пожирающего мир. За плечами развевался темно-алый плащ. Сам командир двигался медленно, почти лениво, с грацией крупного опасного хищника, который шёл к своей добыче, зная, что она никуда не убежит. В одной руке он держал свёрнутый жёлтый шёлк, а другая небрежно покоилась на рукояти меча.

Когда свет упал на его лицо, у меня земля ушла из-под ног, и я перестала дышать. Весь мир исчез и сузился до одного этого лица, которое я надеялась больше никогда в жизни не увидеть. Резкие грубые черты, тонкий шрам, который рассекал левую бровь, и чёрные холодные глаза, в которых отражались ненависть и злость. Это был он. Мой сводный брат. Безродный мальчишка, которого отец однажды привел в дом, уделяя ему больше внимания, чем родной дочери. Из глупой детской ревности и обиды я травила его, изводила насмешками и жестокими придирками, не понимая, какого монстра создаю своими же руками. Это был Мо Цюньцзюэ. Зверь, который однажды не выдержал и сбежал в ночи, оставив после себя лишь разорванную рубаху и огромную лужу крови. Я надеялась, что он бесследно исчез в ту страшную ночь... Но дикий зверь выжил, заматерел и пришёл забрать свой долг.

— Госпожа Фан, — проговорил он низким хриплым голосом, от которого по коже пробежали мурашки.

Он растянул мой титул так, словно пробовал на вкус, и он показался ему настолько грязным и мерзким, что он был бы не прочь его выплюнуть. Да и сам титул он произносил так, словно хотел подвесить меня на верёвках за ноги и руки и тянуть во все стороны.

Он остановился у подножия террасы, глядя на меня снизу вверх, но при этом он смотрел так, словно это я была внизу и валялась в грязи.

— Это ты... Мо Цюньцзюэ, — прошептала я сорвавшимся голосом. Моё тело задрожало от ненависти, злости и шока, а еще и скорой расправы и отчаяния. Никогда бы не подумала, что встречу его снова.

Губы дёрнулись в жёсткой усмешке, Цюньцзюэ не спеша поднялся по ступеням. Я инстинктивно подалась назад, но уткнулась спиной в деревянную колонну. Бежать было некуда, я это понимала. Он подошёл ко мне вплотную, как никогда раньше. Я почувствовала исходящий от него запах и подавляющую силу. Он возвышался надо мной, закрывая собой весь свет от факелов.

— Клан Фан обвиняется в государственной измене, сговоре с мятежниками и отравлении императорских цензоров.

Его голос ударял меня, как плеть. Он даже не развернул указ, не читал, только чеканил каждое слово, глядя мне прямо в глаза, и впитывал каждую мою эмоцию. Словно желал насладиться моим шоком и бессилием. Мои руки едва подрагивали, но он не видел их.

— Ваш отец арестован во дворце, а всё имущество клана теперь принадлежит императору. Усадьба опечатана. Вы — пленники короны.

— Это всё наглая ложь! Мой отец верен императору! — выплюнула я, пытаюсь подавить страх. Моё тело задрожало ещё больше, я ненавидела его и чувствовала, как пламя начало разгораться внутри, заполняя собой всё. — Это просто ты, мстительный ублюдок, выслужившийся перед троном, чтобы уничтожить нас!

— Осторожнее со словами, сестрёнка, ведь сейчас именно я — закон в этом доме. И твоя жизнь принадлежит мне, — прошипел он, подаваясь вперёд, и его лицо оказалось возмутительно близко от моего.

Не успела я сделать как следует вдох, как его рука метнулась вперёд, пальцы сомкнулись стальными тисками на моем подбородке, грубо вздёргивая лицо вверх. Боль прострелила челюсть. Я тихо охнула — так сильно он сжал пальцы. Мои глаза расширились от шока и гнева. Ужас ледяной волной прокатился по спине. Как смеет он прикасаться ко мне?! Но под этой вспышкой возмущения скрывалась правда: этот человек, которого я когда-то ни во что не ставила, теперь держал мою жизнь в своих руках. Одно его движение — и мне конец. Я попыталась вырваться, но он лишь крепче сжал хватку, а большой палец мазнул по моей нижней губе.

— Какая ты стала красивая, Чжаохуа, — прошептал он рядом с моим ухом. В его чёрных глазах была такая осязаемая, густая ненависть, что мне становилось трудно дышать. Но казалось, что вместе с этой ненавистью было ещё что-то болезненное и тёмное. — Ты вся в шелках и золоте. Но, несмотря на всю эту красоту, ты все такая же дрянь.

Я сильнее сжала пальцы так, что почувствовала, как по ладони покатались капли крови, и дрожала от бессильной ярости. Больше всего на свете мне хотелось ударить его, стереть это жестокое превосходство с его лица, но я знала: одно неверное движение, и пострадаю не только я, но и моя матушка

— Убери от меня свою лапу сейчас же, — прошипела я ледяным голосом.

Он тихо рассмеялся без капли веселья и отпустил меня, брезгливо дёрнув руку так, словно трогал что-то грязное. Я пошатнулась, но чудом удержала равновесие и прижала ладонь к подбородку — к тому месту, которое он трогал и где останутся синяки. Мо Цзюньцзюэ отвернулся.

— Запечатать ворота! Никто не должен покинуть усадьбу! Госпожа Фан и её мать теперь заперты во внутренних покоях. С этого момента я буду лично руководить обыском, — рявкнул он своим людям.

Так для меня этот праздник красных фонарей завершился. Зверь, которого мы вскормили жестокостью, вернулся, чтобы уничтожить нас.

Глава 2

Ночь тянулась долго. Нас с матушкой заперли в павильоне на женской половине усадьбы, куда раньше не смел ступить ни один посторонний мужчина. Но теперь же, с приходом гвардейцев, за дверями из рисовой бумаги и резного дерева маячили тени солдат, и в тишине то и дело раздавался лязг чужого оружия и грубоватый смех. Матушка плакала, пока не иссякли слезы, а затем забылась тяжёлым сном на кушетке. Я же не смогла сомкнуть глаз и сидела у потухшей жаровни, глядя на утренний свет, который медленно просачивался сквозь узоры на окнах.

Мой парадный наряд помялся, золотые шпильки давили на виски, но я не имела права распустить волосы. Распустить волосы — значит сдаться, а женщина из клана Фан не предстанет перед врагом растрёпанной. Звуки снаружи давали понять, что поместье грабят под видом обыска и поиска улик. Я постоянно слышала звон разбивающегося фарфора, треск разрываемого шелка и приглушённые крики слуг, которых, видимо, гоняли или даже били. И которых мы не могли защитить. Каждый звук отдавался болью в моем теле. Это был мой дом, с которым так жестоко сейчас поступали, теперь стал нашей тюрьмой.

С первыми лучами солнца я приняла решение. Я должна узнать, в чем именно обвиняют отца, и попытаться хоть немного облегчить участь матушки, так как здоровье у неё было не очень хорошим.

Я подошла к бронзовому зеркалу, поправила тяжёлые украшения и разгладила складки платья. Моё лицо было холодным и бледным, и лишь тени под глазами выдавали мое состояние. Я подошла к дверям и резко распахнула их, отчего два гвардейца в чёрных доспехах немедленно скрестили мечи перед моим лицом, в опасной близости от моей шеи.

— Госпожа, приказано оставаться в покоях, — проговорил один из них, смерив меня тяжёлым взглядом. На меня смотрели как на бесправную добычу, и от осознания своей беззащитности перед этими людьми к горлу подступила тошнота.

— Мне нужно видеть вашего командира. Сейчас же, — проговорила я ровным голосом, словно обращалась к нерадивым слугам, забывшим, кто тут хозяин, но внутри мне было страшно.

— Командир занят делами государственной важности, ему нет дела до какой-то опальной девчонки.

— Передайте командиру Мо, что если он не примет меня, то я начну кричать так, что станут сбегаться зеваки с улицы. И я расскажу, как императорская гвардия пытается женщин благородной крови до суда. Уверена, цензорат будет такому слуху особенно рад, а наши прислужники смогут вам противостоять.

Я вздёрнула подбородок, глядя стражнику прямо в глаза, пытаясь казаться сильной и непоколебимой.

Стражники переглянулись. Хоть я и была «опальной девчонкой», по их словам, но моё имя всё ещё имело вес. Один из них нехотя кивнул другому, развернулся и зашагал прочь. Я ждала. Само ожидание казалось бесконечным. И наконец гвардеец вернулся.

— Командир ждёт тебя. Иди за мной, но не смей делать глупости.

Меня повели через мою же усадьбу словно преступницу. Я смотрела прямо перед собой, превозмогая боль, и запрещала себе опускать взгляд на перевёрнутые кадки, на растоптанные клумбы редких пионов и на сорванные с петель двери библиотеки. С каждым шагом моё сердце сжималось от боли. Я заставляла себя дышать ровно, пряча под маской бесстрастия бессильный, горький гнев. Мой мир рушили на моих глазах.

Гвардеец остановился перед главным кабинетом моего отца. Это было место, где всегда пахло чернилами и хранились редкие свитки, и куда мне, женщине, входить разрешали лишь

по особому приглашению. Сейчас в этом месте сидел мой сводный младший брат. Двери были распахнуты настежь, и я шагнула через порог, с трудом подавив желание закричать от возмущения.

Мо Цзюньцзюэ сидел на стуле моего отца. Этот стул из красного дерева, инкрустированный перламутром, был слишком прекрасен для фигуры, затаенной в чёрную броню. Цзюньцзюэ закинул ноги в тяжёлых сапогах прямо на стол, где когда-то мой отец писал доклады, и безжалостно сминал бесценные свитки, роняя на пол кисти и тушечницы. Он ничего не читал и не искал, только сидел, откинувшись на спинку стула, и протирал куском ткани лезвие своего меча. Когда я вошла, он даже не поднял глаз, лишь продолжал протирать свой кусок железа.

— Я думала, что императорская гвардия имеет безупречную дисциплину, но, видимо, уличным собакам манеры не привить, даже если надеть на них парчу. Убери свои ноги со стола моего отца, — проговорила я, останавливаясь в нескольких шагах от стола, и почувствовала, как леденеет все внутри.

Звук шарканья прекратился. Цзюньцзюэ медленно опустил меч на столешницу и убрал ноги со стола. Подался вперёд, сцепил пальцы в замок и опёрся локтями о колени. Его чёрные, жгучие, полные ненависти глаза впились в моё лицо. В свете дня шрам на его брови казался ещё более резким, придавая лицу хищные очертания.

— Твоего отца? Ты всё ещё не поняла? У этого стола, дома и свитков больше нет хозяина с фамилией Фан. Всё это принадлежит короне. А корона — это я, — проговорил он тихим, обманчиво мягким голосом, от которого по спине пополз ледяной пот.

— Чего ты хочешь? — Я сжала руки в кулаки, пряча их от посторонних глаз в широких рукавах. Моё тело подрагивало, и я пыталась это скрыть от него. — Ты пришёл потешить своё уязвлённое самолюбие? Посмотреть, как мы пали? Ну хорошо, смотри. Но оставь в покое мою семью и мою мать. Она не вынесет переезда в темницу. Позволь ей остаться в дальнем павильоне под стражей, пока идёт разбирательство.

Его лицо исказила жёсткая кривая улыбка.

— Ты пришла торговаться со мной? Не может быть. Первая госпожа Фан снизошла до просьбы к безродной собаке?

Он произнёс эти слова так ядовито, что мне стало не по себе. Детские оскорбления, которые я когда-то бросала ему в лицо, когда мы были детьми, теперь возвращались ко мне отравленными стрелами.

— Я прошу не за себя. Мой клан докажет свою невиновность, а заговорщики будут найдены. Я волнуюсь за здоровье моей матери...

— Заговорщики уже найдены, — перебил он меня, вставая со стула. Обошёл его и двинулся ко мне. Я напряглась, но не отступила ни на шаг, не могла. Мои ноги, слово, приросли к полу. Цзюньцзюэ остановился так близко, что я почувствовала запах металла и пота. — Доказательства измены найдены в тайнике в вашей усадьбе. Твой отец переписывался с наместником южной провинции, где в письмах подробно обсуждал перехват императорского шелка, а на самих бумагах была личная печать твоего отца.

— Это всё подделка! Мой отец никогда бы этого не совершил! — выкрикнула я, чувствуя, как земля уходит из-под ног. — Кто-то хотел уничтожить наш клан!

— Это всё не имеет значения. — Его лицо оказалось в опасной близости от моего. Он возвышался надо мной и подавлял своей аурой, заставляя чувствовать себя крошечной, беспомощной и глупой. — Значение имеет лишь то, что судьба твоей семьи теперь в моих руках. Я веду это расследование, пишу отчёты и решаю, отправить ли твою мать в подземелье, или она останется гнить в этих покоях заживо.

Его тёмный взгляд медленно скользнул по моему лицу, задержался на сжатых губах и спустился к шее, виднеющейся из-под воротника ханьфу. Кожа горела под этим взглядом, и мне впервые в жизни до одури захотелось сбежать и спрятаться. В его глазах не было ни капли

прежнего страха передо мной, только тяжелая, удушливая жажда обладания, от которой перехватывало дыхание. Но он тут же скрыл это выражение за презрением.

— Если ты хочешь, чтобы я проявил милосердие к твоей матери... — медленно произнёс он, и его глаза сузились. — То тебе придётся вспомнить, что ты больше не хозяйка в этом доме.

Он резко отвернулся и указал пальцем на небольшой столик, на котором стоял походный чайный набор, видимо, принесённый его людьми.

— Я хочу пить. Налей мне чаю, — приказал Цзюньцзюэ обыденно, но смысл этих слов был чудовищным. Он приказывал мне подать чай, как служанке, рабыне или, в крайнем случае, наложнице. Благородная дева могла подать чай лишь уважаемому старшему родственнику в знак почтения или мужу, но он был никем. И он требовал, чтобы я прислуживала ему.

— Я не служанка, — прошептала я, скрывая в голосе гнев и отчаяние.

— Конечно же, ты не служанка. — Он медленно повернулся, и на лице проступила сдерживаемая злоба. — Ты дочь государственного преступника. Прямо сейчас твоя мать дрожит от страха в своих покоях. Всего лишь один мой приказ, и её поволокут по грязи в темницу, где она не проживёт и трёх дней. Выбирай: твоя непомерная гордость или жизнь твоей матери.

Его слова били меня, словно плети. Я задыхалась, внутри меня всё кричало и противилось. Я чувствовала унижение и смотрела в его глаза, пытаюсь найти там хоть чуть-чуть жалости. Или тот образ забитого мальчишки, который когда-то смотрел на меня со страхом и восхищением. Но в этих глазах была лишь жестокость. Он пил моё падение и наслаждался каждой секундой моей слабости.

Чувствуя, как деревенеют ноги, я медленно подошла к чайному столику. Я подняла чайник дрожащими руками и налила крепкий, тёмный отвар, стараясь не расплескать его, и повернулась к нему, держа чашку обеими руками.

— Возьми, — сухо произнесла я, протягивая ему чай, но он даже не шелохнулся.

Мо Цзюньцзюэ смотрел на меня сверху вниз, как будто я была ничтожной рабыней. Его рука покоилась на поясе рядом с мечом.

— Разве так ты подаёшь чай своему господину? Встань на колени, Чжаохуа, — произнёс он мягким голосом, в котором звенела сталь.

Воздух в кабинете стал таким напряжённым, что мне стало трудно дышать. Он сказал встать на колени. Это было неправильно.

— Ты заходишь слишком далеко, — прошептала я, чувствуя, как внутри меня всё разрывается.

— На колени. Или я зову стражу? — повторил он жёстким голосом.

Я закрыла глаза, и перед внутренним взором пронеслось бледное лицо матери. Она никогда не выживет в тюрьме. Она там умрёт. Цзюньцзюэ загнал меня в ловушку, из которой я не могла выбраться. Я стиснула зубы, медленно опустилась на пол, склонила голову, чувствуя, как заколки тянут волосы вниз, и подняла чашку над головой.

— Пожалуйста, господин, выпейте чай, — произнесла я, выжимая из себя каждое слово. Моя гордость прямо сейчас разбивалась вдребезги о каменный пол, но перед мысленным взором стояло бледное лицо матушки. Ради нее я стерплю всё.

Секунды тянулись как часы. Я чувствовала на себе его тяжёлый взгляд, который словно раздевал меня или разрезал. Он не спешил забирать чашку, заставляя меня стоять на коленях, пока мои вытянутые руки не начали дрожать, становясь с каждой секундой слабее, а фарфор начал тихо позвякивать.

И наконец его пальцы сомкнулись поверх моих. Он скользнул по моей руке вместо того, чтобы взять чашку, и я почувствовала жёсткие мозоли, которые словно оставляли после себя призрачные ожоги. Я вздрогнула и дернула руку, чудом не выронив чашку. Цзюньцзюэ перехватил гайвань и сделал глоток, не сводя с меня глаз.

— Горький, но сойдёт, — поморщился он, глядя на меня с презрением. — Но, в принципе, ты всё так же делаешь. Ладно, твоя мать останется в поместье на время. — Он вылил остатки чая прямо на пол и опустил пиалу на стол. — А теперь пошла вон. И чтобы я тебя не видел, пока не позову.

Я медленно поднялась с колен, чувствуя себя грязной и лишённой чести. Я не сказала ни слова, потому что не могла, лишь взглянула на него в последний раз.

Если он думал, что сломал меня, он ошибался. Клан Фан пал, моя гордость растоптана, но я всё ещё жива. И я сделаю всё, чтобы выстоять.

Я отвернулась и вышла из кабинета, чувствуя его тёмный взгляд, который прожигал меня насквозь.

Глава 3

Прошло три дня с тех пор, как императорская гвардия превратила дом Фан в тюрьму. И все эти три дня в доме разносились лязг доспехов, окрики стражи и плач служанок во внутренних дворах. Весна, несмотря на все происходящее, вступала в свои права, отчего в саду осыпались нежно-розовые лепестки сливы, устилая каменные дорожки ковром. А в пруду, том самом пруду, который недавно разворотили, плескались выжившие золотые карпы. Природе было глубоко плевать на крушение великого клана: мир продолжал жить, пока мы медленно задыхались.

Матушка окончательно слегла. Лекаря к ней не хотели пускать ни под каким предлогом, и мне приходилось самой заваривать ей успокаивающие травы, которые тайно передавала старая кухарка. Я всё это время не отходила от постели матери и слушала её прерывистое дыхание и молитвы. Даже Мо Цзюньцзюэ, несмотря на всю свою жестокость, всё же сдержал слово: он не бросил её в подземелье и не бросил меня, но оставил в полном неведении. Мы ничего не знали об отце, к нам не приходило ни одной весточки. И всё же этот тиран позволил нам выходить на некоторое время из своих комнат.

Я сидела в беседке у пруда с карпами, пытаюсь сосредоточиться на вышивании. Стражники стояли рядом, внимательно следя за тем, чтобы я не сделала ничего, что нарушило бы приказ моего сводного брата. Я не могла сосредоточиться, игла постоянно колола пальцы, оставляя крошечные капли крови на шёлке. И внезапно со стороны внешнего двора послышался шум, закрипели большие сломанные ворота и послышалась спокойная, размеренная речь. Стражники у беседки напряглись, вытащив мечи одновременно. Я отложила пальцы и выпрямила спину, чувствуя, как тревожно забилось сердце. Чье влияние было настолько велико, чтобы обойти запреты гвардии и войти в опальный дом?

Из-за круглой арки, украшенной барельефами драконов, показалась мужская фигура, которая двигалась так плавно и была не обделена грацией, что, казалось, она не ступала по земле, а скользила по поверхности. Одежду из струящегося серебристо-белого шелка не могла тронуть ни одна пылинка. Тёмные волосы спускались по спине блестящим водопадом, а в руках он изящно покачивал веером из белого журавлиного пера. Я знала, кто передо мной — это был хозяин Теневого павильона, самой разветвлённой сети осведомителей во всей империи. Человек, чьи знания были дороже любого куска золота. И чья улыбка напоминала змеиную пасть. Этот человек всегда напоминал мне тихий омут, из которого нельзя выбраться. Залюбуешься красотой и не заметишь, как кто-то тебя схватит и потянет на дно. И имя его было Су Ханьчжо.

Гвардейцы выступили вперёд и преградили ему путь, скрестив мечи, но он даже не замедлил шага, только лишь остановился перед скрещенной сталью. И его губы растянулись в вежливой, но ледяной улыбке.

— Господа, сейчас же опустите оружие. У меня есть личное дозволение канцлера навещать первую госпожу, если, конечно, императорская гвардия не ставит себя выше законов империи, — проговорил он мелодично и, казалось бы, успокаивающе, но мне стало не по себе.

Стражники неуверенно переглянулись, но оружие опустили. И Су Ханьчжо подошёл к беседке. Я почтительно встала и склонила голову в приветствии, но руки спрятала в широких рукавах, пряча небольшую дрожь. В моём положении любой союзник мог оказаться врагом. Я не знала, какой удар нанесёт стоящий передо мной человек.

— Господин Су, — проговорила я ровным голосом, скрывая за ним напряжение. — Ваш визит стал неожиданностью для дома, который впал в немилость. Для чего вы посетили нас?

Су Ханьчжо сложил веер с мягким щелчком и слегка поклонился в ответ. В его светлых, практически белых глазах читалось сочувствие или лишь его имитация.

— Великая госпожа не должна меркнуть из-за грязных дворцовых интриг. Моё сердце обливается кровью от мысли о том, что вам приходится терпеть общество этих неотёсанных болванов, — мягко произнёс он и сделал шаг вперёд, вступая в беседку. Су Ханьчжо бросил презрительный взгляд на гвардейцев, стоящих рядом, словно те были мелкими жуками, не имеющими права здесь находиться.

— Для чего вы здесь, господин? Теневой павильон не занимается благотворительностью, насколько мне известно, — устало произнесла я.

Но Су Ханьчжо только тихо рассмеялся голосом, от которого у меня побежали мурашки по спине. Он подошёл ближе и остановился на расстоянии вытянутой руки, не дальше.

— Вы как всегда проницательны, госпожа Чжаохуа. Из-за этого я восхищаюсь вами. Я здесь, чтобы предложить вам помощь. У меня есть сведения, которые могут пролить свет на то, кто на самом деле подложил фальшивые письма в тайник вашего отца.

Моё сердце болезненно сжалось и забилося с удвоенной силой. У меня появилась хрупкая надежда, за которую я могла бы схватиться обеими руками. Но вопрос был в том: если я схвачусь, не окажется ли это маленькой травинкой, которая легко оборвётся?

— Почему вы помогаете нам? И что возьмёте взамен? — я внимательно на него взглянула, пытаясь прочесть истинное намерение за этим идеальным холодным лицом.

— Взамен? Ну, пока ничего. Я бы просто хотел видеть, что вы в безопасности, Чжаохуа. Вы выглядите невероятно уставшей, — назвал он меня по имени, минуя формальности.

И это меня слегка испугало. Прежде чем я успела отстраниться, Су Ханьчжо поднял руку, и его тонкие идеальные пальцы почти невесомо коснулись моего лица, заправляя выбившуюся прядь волос за ухо. Его прикосновение было прохладным и таким поразительно нежным, что я на время перестала дышать.

— Ваши глаза не созданы для слёз. Я найду того, кто осмелился причинить вред вашему клану. Даю вам своё слово, — прошептал он, глядя на меня с нежностью и печалью.

Я замерла, не в силах отвести взгляд. Впервые за эти страшные дни ко мне проявили заботу, а не грубость. И пусть Су Ханьчжо — игрок, намерения которого мне неизвестны, в эту секунду он стал единственным островком, которого не касались зло и шторм.

Мо Цзюньцзюэ

Я стоял в тени галереи второго этажа и сжимал деревянные перила. Или, вернее, то, что от них осталось. Под моими пальцами, затянутыми в жёсткую кожу перчаток, ломалось старинное красное дерево. Я дышал, но, казалось, воздуха в груди мне не хватало. Я видел сад как на ладони и то, что происходило в беседке у пруда. Именно это вызывало во мне гнев.

Су Ханьчжо. Этот выскочка столичной аристократии. Щёголь, у которого руки никогда не знали тяжести меча, зато прекрасно умели перебирать нити интриг и наливать яд, стоял сейчас рядом с ней. С ней! И она позволяла ему себя касаться. Когда этот ублюдок в белых шелках поднял свою ладонь и коснулся её лица, у меня внутри лопнула какая-то струна, отчего звон заложил уши, а перед глазами появилась красная пелена.

Я прекрасно помнил, как она смотрела на меня в детстве. Если я случайно задевал краем своей грязной рубахи её платье, то она приказывала бить меня палками. И она всегда брезгливо морщила свой идеальный носик, называя меня грязью и диким зверем. Даже вчера, когда она стояла передо мной на коленях, наливая мне чай, я видел, как в её глазах полыхала непокорность. К тому, кто буквально держал всю её жизнь в своих руках. А теперь она стояла, опустив ресницы, и позволяла этому павлину трогать свои волосы. Она не испытывала ни отвращения, ни гордости, только благодарность.

Благодарность. Мысль об этом словно ударила меня под дых. Зверь, который внутри дремал и которого я кормил своей болью, унижением и кровью врагов, сорвался с цепи с рёвом, требуя разорвать глотку зубами тому, кто прикоснулся к тому, что принадлежало мне. Я нена-

видел Чжаохуа, каждую её линию, её высокомерное лицо, бледность и звук имени. Мечтал растоптать её гордость, заставить умолять о пощаде и раздавить её идеальный мир, как гнилой плод. Но она была моей ненавистью, проклятием и моей жертвой. Никто другой во всей этой проклятой Поднебесной не имел права даже смотреть на неё, не говоря уже о том, чтобы прикасаться пальцами.

Ладони на перилах сжались ещё сильнее, и дерево не выдержало. Острые щепки вонзились мне в руки сквозь кожу перчатки, но мне было всё равно, я не чувствовал боли. Боль тела была ничтожной по сравнению с той чёрной ревностью, которая прямо сейчас разъедала мои внутренности.

— Командир, — позади раздался осторожный голос моего слуги, который видел моё состояние и явно боялся подойти ближе. — У этого Су Ханьчжо бумага канцлера, мы не могли его не впустить. Прикажете выдворить силой?

Я молчал, только смотрел на две фигуры в беседке. Су Ханьчжо что-то произнёс, и Чжаохуа слабо и едва заметно кивнула. И от этого по моим венам пробежал жидкий огонь, гнев пульсировал во всём теле. Мне хотелось спуститься туда, выхватить клинок и отрубить эти длинные белые пальцы по самый локоть. А ещё хотелось схватить Чжаохуа за плечи, потрянуть так, чтобы из её причёски выпали все эти дурацкие шпильки, и закричать ей в лицо: «Кому ты позволяешь себя трогать?! Ты забыла, в чьей ты теперь власти?!»

Моё дыхание стало рваным. Я зажмурился, пытаюсь подавить поднимающееся из глубин чёрного дна бешенство.

— Нет, не трогай его пока что, — проговорил я хриплым голосом, разжал окровавленные пальцы, отбросив сломанный кусок дерева, развернулся и пошёл прочь из галереи.

Я должен был уйти, иначе спустился бы вниз и устроил резню прямо в саду. А это было бы неразумно, по крайней мере сейчас. Но я точно знал, что Су Ханьчжо совершил огромную ошибку: он перешёл мне дорогу, и теперь я уничтожу его так же безжалостно, как планировал уничтожить весь этот проклятый клан. Потому что Фан Чжаохуа — моя. И ломать её буду только я.

Глава 4

Небеса над столицей внезапно разверзлись, весенний ливень обрушился на черепичные крыши поместья Фан. Сами боги решили оплакать наше падение: вода сплошной стеной заливала внутренние дворы, превращая каменные дорожки в бурные ручьи, а раскаты грома заглушали лязг доспехов и оружия стражников, патрулирующих вокруг дома. Я стояла у окна и вдыхала чистый воздух. Это была идеальная ночь. Ночь, когда даже цепные псы императора предпочитали укрыться под навесами и кутаться в свои плащи.

Если кто-то подложил поддельные письма, значит, в доме был предатель, который имел доступ к рабочим покоем, знал расписание стражи и привычки моего отца. Су Ханьчжо обещал помощь, но я не сильно верила в его доброту и в чужую милость. Всё же он был опасен. Даже несмотря на его слова, я не знала, чем буду расплачиваться в будущем и смогу ли вообще расплатиться.

Мне нужны были счётные книги и реестр слуг за последний лунный цикл, которые хранились в отдельном здании, в восточном крыле усадьбы. Я сменила алое ханьфу на простое тёмное платье, волосы лишь стянула на затылке, закрепив деревянной шпилькой, взяла тяжёлый зонт из промасленной бумаги со спицами и тихо выскользнула через чёрный ход. Стражники, благо, отошли, поэтому я могла воспользоваться этой случайностью. Я почувствовала, как дождь обрушился на зонт, желая проломить его. Я двигалась вдоль стен, сливаясь с тенями. Мои туфли промокли сразу же, ледяная вода сковала большую ступню, но я не имела права остановиться. Сердце билось где-то в горле от страха. Если меня поймают, то это будет конец, и какое наказание последует, я не знала. Но я пыталась отстраниться от этих мыслей. В конце концов, я знала каждый камень, каждую досочку галереи: какая скрипела больше всего и как обойти посты стражи, за которыми я наблюдала все эти дни.

Когда двери архива показались впереди, я перевела дыхание: охраны поблизости не было. Видимо, Мо Цзюньцзюэ посчитал, что свитки не стоят того, чтобы быть охраняемыми. Это была ошибка, которая могла стоить ему его так называемой победы. Замок поддался не сразу: старый металл нехотя лязгнул, когда я вставила в него шпильку и надавила так, как учил меня когда-то в детстве один из наёмных охранников отца. Дверь отворилась, впуская меня в сухое пространство затхлого воздуха и старого дерева. Внутри было темно. Я аккуратно закрыла за собой дверь и отложила мокрый зонт. Как бы мне хотелось сейчас зажечь хоть какую-то свечку, но если бы я это сделала, то меня сразу бы заметили. Поэтому мне приходилось полагаться всего лишь на тусклые отблески молнии и собственную память тела. А также на руки, которые будут ощупывать дерево.

Я медленно продвигалась между высокими стеллажами и пальцами перебирала корешки книг, свитки и дощечки, пока не нашла нужную секцию. Едва свет, пробившийся сквозь тучи, осветил полку, я принялась осматривать записи. Смотрела, кто увольнялся в прошлом месяце, кто брал долгие отгулы или кто внезапно разбогател — всё это я искала. И так увлеклась, что не сразу уловила перемену в пространстве. Сквозняк. Воздух стал иным... К тому же он стал пахнуть совсем по-другому. И вот тогда по моей спине пробежал ледяной холод. Я медленно, стараясь не издавать ни звука, опустила свиток на пол. Понимала, что в архиве есть кто-то ещё, кроме меня. Я начала отступать, вжимаясь спиной в деревянную стойку и руками нащупывая поставленный где-то неподалёку зонт. Длинная рукоять легла в ладонь, даря некое чувство защиты.

— Ищешь что-то конкретное, сестрёнка? — прозвучал низкий, сочащийся ядовитой насмешкой голос из темноты, который ударил по мне так резко, что я едва не выронила свой зонт, которым готовилась защищаться.

Очередная вспышка молнии осветила архив. Я увидела, как в конце прохода стоял Мо Цзюньцзюэ в тёмных кожаных наручах и рубахе, которая намочила под дождём и теперь облепляла его широкую грудь и плечи. Вода стекала по его лицу, резким скулам, и падала вниз. Сейчас он походил на демона, пришедшего, чтобы собрать кровавую жатву. Его глаза блестели, предвкушая кровь. Он двигался бесшумно, я не слышала ни стука сапог, ни шуршания его одежды, он был словно тень или же зверь, который загонял свою добычу.

— Как ты узнал, что я здесь? — мой голос дрогнул, выдавая панику.

— Ты глупа, Чжаохуа, раз думала, что я оставлю личный архив первого советника без присмотра.

Мо Цзюньцзюэ сделал шаг вперёд, перекрывая мне выход. Узкий проход между стеллажами превратился в ловушку.

— Мои люди всегда наблюдали за тобой, я сам позволил тебе войти. Мне было любопытно, насколько далеко зайдет твоя глупость и отчаяние.

— Какая глупость?! Я пыталась найти правду, которую ты так старательно хочешь скрыть в своём желании уничтожить нас! — я крепче перехватила зонт, выставляя его перед собой, словно клинок.

Мо Цзюньцзюэ лишь тихо рассмеялся. Его смех заставил меня вздрогнуть. Он продолжал надвигаться, сокращая расстояние между нами.

— Какую правду ты хочешь слышать? Так вот правда в том, Чжаохуа, что ты — избалованная девчонка, которая решила поиграть в спасительницу рода! Положи это, пока не поранилась, ты выглядишь слишком жалкой и слабой, чтобы нанести мне какой-то вред, — издевательски протянул он.

Внутри меня вспыхнула злость и некий страх. Этот человек постоянно унижал меня при каждом удобном случае. Он растоптал мой дом, угрожал моей матери и не давал каких-либо надежд на спасение.

Когда он сделал ещё один шаг ко мне и уже попытался схватить мой зонт, я ударила, вложив в этот выпад всю свою злость и отчаяние. Медный наконечник сомкнутого зонта метнулся вперёд, метя ему прямо в горло. Но я просчиталась. Мо Цзюньцзюэ же был главнокомандующим, который выживал в сотнях схваток. Он даже не попытался уклониться: его рука просто взметнулась вверх, и пальцы стальной хваткой сомкнулись на древке всего в цуне от шеи. Удар был остановлен так резко и грубо, что я ушибла запястье. И в следующее мгновение он рванул зонт на себя. Я не успела разжать пальцы и полетела вперёд. Зонт с грохотом отлетел куда-то в темноту, а я с силой врезалась в каменную грудь.

Он издал глухой рык, перехватывая меня: одна рука впилась в мою талию, а вторая впечатала меня спиной в стеллаж, отчего полки жалобно хрустнули, и на нас сверху градом посыпались бамбуковые дощечки. От удара весь воздух выбило из моих лёгких, я отчаянно забилась в его руках, пытаюсь вырваться, ударить и оцарапать, но он лишь сильнее вжимал меня в полки, подавляя своим весом. Я пыталась его оттолкнуть, но под своими ладонями только чувствовала сильный стук его сердца.

— Пусти! Не смей прикасаться ко мне! — прошипела я, выгибаясь всем телом, чтобы как-то от него отстраниться.

— Тише, госпожа. Не дёргайся, иначе сделаешь себе ещё больше, — прохрипел он опасно, отчего у меня начало вибрировать всё внизу живота.

Он был так близко, что я чувствовала жар, исходящий от его мокрой одежды. Тяжёлое прерывистое дыхание обжигало мне кожу. В тесном проходе архива стало так мало воздуха, запах пыли смешался с его запахом и его мужской силой.

— Ты смеешь нападать на командира императорской гвардии? — он навис надо мной, его лицо оказалось всего в одном цуне, а может, даже меньше, от моего. В полумраке его глаза

казались бездонными тёмными колодцами. — За это полагается плеть, Чжаохуа. За каждый удар, который ты планировала нанести мне.

— Ну так ударь! Бей! Ты ведь всегда этого хотел! Отомсти за то, что в детстве ползал у моих ног! — выкрикнула я ему прямо в лицо, задыхаясь от злости, страха и этого странного чувства. Этого опасного, непозволительного, неправильного чувства его близости.

Желваки на его скулах заходили ходуном. Шрам на брови побелел. Я попала в самую болезненную его точку. Он резко перехватил мои руки, которыми я пыталась оттолкнуть его, и завёл их мне за голову, прижимая одной ладонью к деревянной стойке. Моя грудь тяжело вздымалась и касалась его груди при каждом вздохе. И я чувствовала ещё больше жара, который исходил от него.

— Ты ничего не знаешь о том, чего я хочу, — прорычал он. Я увидела, как его полный презрения взгляд потемнел и стал вязким.

Мо Цзюньцзюэ медленно опустил глаза, скользнул по моему лицу, вздымающейся груди и остановился на губах. Я словно почувствовала, как время замедлилось. Шум дождя исчез, я слышала только стук собственного сердца, которое билось о рёбра. И его удары. Он смотрел на мои губы так, словно хотел уничтожить их, стереть, превратить в пепел, но при этом, казалось, жаждал их, и это ощущалось всем моим естеством. Это был взгляд изголодавшегося хищника на свою единственную, трепещущую добычу.

Я перестала дышать и хотела крикнуть, чтобы он отвернулся. Прекратил так непристойно смотреть. Но из горла вырвался лишь судорожный вздох. И эта реакция привела меня саму в ужас. Я ненавидела его за всё, но почему-то кожа под его хваткой горела, а внутри стягивался тугой узел. Его лицо опустилось ниже, отчего нос почти коснулся моего. Я зажмурилась от страха и ощущений, которые начали с каждой секундой усиливаться.

— Если бы ты не была такой... — его голос превратился в хрип.

И вдруг Мо Цзюньцзюэ, словно обжегшись, отпустил мои руки и отшагнул назад. Тяжело вздыхая, он отвернулся, пряча лицо, и провёл рукой по мокрым волосам. Освободившись от его хватки, я сползла, глотая воздух. Ноги дрожали так, что едва держали меня.

— Убирайся сейчас же, — бросил он. Его голос снова стал ледяным, чужим и жёстким. Но я слышала, как в нём всё ещё оставалась хрипотца. — Убирайся в свой павильон и молись предкам, чтобы я не передумал и не бросил тебя в темницу прямо сейчас.

Я не стала ждать, пока он снова повторит свои слова, и, подхватив юбки, бросилась к выходу, перепрыгивая через разбросанные свитки. Я побежала сквозь ливень, ничего не чувствуя. Только колотящееся в груди сердце и жар, который разливался внутри. Захлопнув за собой дверь своих покоев, я прижалась к ней спиной и сползла на пол. Мои ладони всё ещё помнили жар его кожи, а губы горели так, словно он коснулся их. Хотя он только смотрел, но от этого взгляда мне становилось ещё больше не по себе. Закрыв лицо руками, я поняла, что это была настоящая катастрофа. Мо Цзюньцзюэ не хотел просто мстить, скорее, он играл в какую-то свою болезненную игру, правил которой я не знала. И говорить мне он о них не собирался. И самое страшное — я начала поддаваться.

Глава 5

Дождь, который лился над столицей всё эти дни, наконец перестал. И после него по городу распространялись густые туманы, которые цеплялись за изогнутые крыши, а сырость пробиралась до самых костей. После той ночи я старалась не покидать свой павильон. Каждое воспоминание о тяжести тела Мо Цюньцзюэ и его обжигающем дыхании, о том безумном, голодном взгляде заставляло мою кровь приливать к щекам, а сердце стучать так громко, что, казалось, услышала бы моя мать. Я ненавидела его. И ещё больше ненавидела себя за то, что моё тело откликнулось на эту близость.

Однако затворничество не могло длиться вечно. На пятый день управляющий, дрожа от страха перед гвардейцами, принёс мне послание. Это была долговая расписка на огромную сумму золота, которая была выдана торговым домом Лу Тансюаня. Отец занимал эти деньги несколько месяцев назад, чтобы обеспечить безопасность торговых караванов на юг. И сегодня истекал срок оплаты. Я переживала, что дом Лу мог потребовать уплаты долга, так как славился своей безжалостностью. Они ведь имели право забрать то небольшое, что осталось после конфискации: личное приданое матушки, а я уже планировала купить на него лекарства и подкупить тюремщиков, если её всё же запрут в темнице.

Мне нужно было теперь лично встретиться с господином Лу и просить об отсрочке уплаты долга. Правда, я не знала, смогу ли выйти за пределы дома. И смогу ли вообще с ним встретиться. Я надела скромное, но не лишённое благородства ханьфу глубокого синего цвета, которое скрывало фигуру, и плотную вуаль. Мне пришлось усмирить свою гордость и отправить служанку к Мо Цюньцзюэ, чтобы просить дозволения покинуть усадьбу. И ответ, на удивление, пришёл быстро. Мне позволили выйти из дома, но с одним условием.

Когда я вышла за ворота усадьбы, где меня уже ждала повозка, моё сердце упало в пятки. Возле повозки, опираясь рукой на луку седла своего жеребца, стоял Мо Цюньцзюэ в форме гвардии из чёрной парчи, усиленной кожаными вставками, и с неизменным изогнутым мечом на поясе. Я смотрела на него и понимала, что это какое-то проклятие или издевательство: он не хотел покидать меня даже сейчас. Цюньцзюэ мог просто приказать своим стражникам следовать за мной, но почему-то пошёл сам.

— Должница короны не имеет права разгуливать в одиночестве по городу, — произнёс он, заметив мой потемневший от злости взгляд. Губы Цюньцзюэ изогнулись в издевательской усмешке, но при этом глаза оставались такими же тёмными и холодными. Там была лишь осторожность. — Я лично прослежу, чтобы ты не попыталась бежать или вступить с кем-то в сговор, особенно с Лу Тансюанем.

— Моя семья на грани разорения, а мать больна. Куда мне бежать, командир? Мне некуда бежать, тем более я прекрасно знаю, что вы меня легко поймаете, — ответила я, не желая устраивать скандалы на улице, и подошла к повозке.

Ступенька повозки оказалась слишком высокой. Я на мгновение замерла, прикидывая, как подняться и не запутаться в тяжёлых юбках, но Мо Цюньцзюэ оказался рядом, и его широкие ладони властно сомкнулись на моей талии. Я резко вдохнула, когда он без малейших усилий оторвал меня от земли и поставил на подножку. Его хватка была жёсткой, обжигающей и полностью собственнической.

— Не заставляй меня ждать, чем быстрее покончим, тем быстрее вернёмся, — процедил он, убирая руки. Но его глаза ещё мгновение смотрели на моё лицо, которое я скрывала полупрозрачной вуалью.

Всю дорогу до торгового квартала я сидела прямая, как клинок, и смотрела в окно повозки. Столица жила своей жизнью, в которой теперь меня не было. Торговцы зазывали покупателей, в воздухе витали сладкие ароматы жареных каштанов, паровых булочек, а ещё

острых специй, которые я больше никогда не попробую, если сгнию в тюрьме. Шумный, яркий мир казался мне сейчас чуждым. Я смотрела на него словно через зеркало, сквозь которое не могла пройти. Мо Цюньцзюэ ехал верхом рядом с повозкой, и я ощущала его присутствие практически всем телом, словно над нами нависла грозовая туча, готовая в любой момент разразиться бурей, и прохожие торопливо расступались перед ним, провожая нас шепотками.

Торговый дом Лу Тансюаня располагался в самом сердце столицы, сразу после дворца. Это было роскошное четырёхэтажное здание из красного дерева, щедро украшенное резьбой и красными фонарями. Внутри веяло ароматными благовониями, и в воздухе витал дух богатства и порока. Нас проводили в личные покои хозяина, располагавшиеся на верхнем этаже. Лу Тансюань уже ждал нас, восседая за низким столиком, уставленным изысканными пиалами. Это был мужчина около тридцати лет с проницательным взглядом раскосых глаз. Его золотистые одежды струились подобно воде, а на больших пальцах красовались массивные кольца. Все знали о его богатстве и о его связях с теневым миром.

— Первая госпожа Фан, для меня честь встретить вас. Моя столь скромная обитель вас не стеснит? Позвольте ли свету вашей красоты озарить эту комнату? — Лу Тансюань поднялся и проговорил эти слова мягким, почти кошачьим голосом, сложив руки в почтительном жесте.

Я медленно откинула вуаль, отвечая мягким поклоном.

— И вы, командир Мо. Не ожидал, что императорская гвардия теперь выполняет задания личной охраны опальных дев, хотя вы могли бы послать двух своих гвардейцев.

Лу Тансюань взглянул на Мо Цюньцзюэ, который остановился в дверях словно каменный страж, и улыбнулся, и от этой улыбки холодок пробежал по моей коже.

— Я здесь от лица Закона. Делай свои дела, Лу Тансюань, и делай их быстро, — прочеканил Мо Цюньцзюэ ледяным, бесстрастным голосом.

Торговец усмехнулся и жестом пригласил меня присесть рядом с ним. Я опустилась на подушку, чувствуя, как напряжение в комнате становится всё более густым и начинает уже давить на плечи. Мо Цюньцзюэ остался стоять за спиной, возвышаясь над нами, подобно туче. Я спиной чувствовала исходящие от него холод и злость.

— Мне известны ваши помыслы, госпожа Чжаохуа. Ваш отец оказался в весьма трудном положении. А ведь долг клана составляет двадцать тысяч золотых лянов. Это довольно-таки увесистая сумма, которую вы не сможете покрыть, даже если продадите все свои нефритовые украшения, — проговорил Лу Тансюань, изящно разливая чай по пиалам.

— Я пришла просить об отсрочке. Следствие ещё не закончено, когда с моего отца снимут обвинения... — произнесла я, стараясь, чтобы мой голос звучал твёрдо, но меня перебили.

— Если ещё снимут, моя дорогая, — мягко оборвал меня Лу Тансюань, подаваясь вперёд, и его глаза нехорошо блеснули. — Дворцовые дразги довольно жестокие, вы — умная девушка, должны понимать: когда в дело вступает императорская гвардия, то оправдательных приговоров не бывает.

Я почувствовала, как за моей спиной сводный брат переступил с ноги на ногу, и от этого деревянные половицы под ним едва слышно скрипнули. Видимо, ему уже надоело стоять, но сесть он тоже не мог.

— Вам известно, что я деловой человек, — Лу Тансюань понизил голос до шёпота, протянул руки и кончиками пальцев коснулся края моего рукава, поглаживая шёлк. — Я не люблю терять свои деньги. Однако я готов простить вам этот долг до последней монеты. Более того, у меня есть люди в Министерстве наказаний. Я могу позаботиться о том, чтобы содержание вашего батюшки стало более комфортным, и чтобы вашу матушку никогда не отправили в темницу и тем более в каменоломню.

Моё сердце пропустило удар, и сладкая, отравленная надежда подняла голову, а мои пальцы едва заметно задрожали.

— Что вы хотите? — спросила я, и Лу Тансюань улыбнулся, показав ровные белые зубы. В его взгляде появилось нечто тёмное, от чего мне стало физически дурно.

— Вы станете моей седьмой наложницей, Чжаохуа.

Я замолчала, и мои глаза округлились. Он предлагал мне стать его наложницей. Практически вещь, лишённой прав и чести. Я, дочь первого советника, гордость клана Фан, должна стать наложницей торговца? Это было просто унижением того, кем я являлась.

— Какая щедрость... — мой голос дрогнул, но я постаралась быстрее взять себя в руки. — Вы предлагаете мне разделить с вами постель взамен на жизнь моей семьи?

— Я предлагаю вам защиту. — Лу Тансюань наклонился ко мне ещё ближе, отчего я почувствовала его удушливый мускусный аромат духов. — Поверьте, вы будете купаться в роскоши, я одену вас в лучшие шелка и засыплю жемчугом. Вам понравится в моём доме, и там будет намного теплее и слаще, чем в серых подземельях. Разве это плохая сделка? Я бы так не сказал. Вы ведь всё равно потеряли всё. Отдайте мне свою красоту, и я решу все ваши проблемы.

Я открыла рот, чтобы ответить, сказать, что я не могу, что это непозволительно, но не успела, так как почувствовала, что воздух в комнате оледенел. Тень за моей спиной пришла в движение. Мо Цюньцзюэ сделал шаг, обогнул столик и встал между мной и господином Лу. Лу Тансюань отшатнулся, его лицо слегка побледнело, когда он взглянул на командира гвардии. Он не обнажил меча, но от него исходила такая убийственная ярость, что воздух в комнате словно заledenел, и мне стало трудно дышать. Это была аура монстра, который увидел, как кто-то тянет руку к его вещи.

— Ты, видимо, плохо слышал новости, Лу Тансюань, — проговорил Мо Цюньцзюэ тихим, обманчиво спокойным голосом, который пробирал до костей. Таким голосом может разговаривать только смерть. — Фан Чжаохуа — преступница и важный свидетель по государственной измене. Она принадлежит короне и не может стать чьей-то наложницей.

Мо Цюньцзюэ наклонился над столиком, уткнулся руками в столешницу и впился глазами в торговца.

— Любая попытка купить её, обменять или скрыть от правосудия... — он взглянул на руку Лу Тансюаня, который посмел коснуться моего шёлка. — Будет расцениваться как посягательство на собственность императора. А за это положена казнь. Все поколения твоего рода будут вырезаны до последнего младенца, а торговый дом я сожгу дотла своими собственными руками.

Лу Тансюань сглотнул от его слов, и спесь слетела с него в то же мгновение. Торговец был умён и понимал, что перед ним не просто чиновник, а зверь, который не знал пощады.

— Я всего лишь предложил помощь деде, попавшей в беду, у меня не было никакого злого умысла. Ну а если корона возражает...

— Корона возражает, — перебил его Мо Цюньцзюэ и выпрямился. — Если ты хочешь получить свои деньги, то жди окончания суда. А теперь мы уходим.

Он взглянул на меня, и я увидела, как в его глазах полыхал тёмный огонь безумия, который пугал до дрожи, и мои руки затряслись. Он протянул ладонь, жёсткие пальцы сомкнулись на моём плече, рывком поднимая меня с подушек и заставляя идти за собой.

— Идём и не отставай, — приказал он, не обращая внимания на то, что его хватка причиняла мне боль.

Я не стала спорить. Находиться в одной комнате с похотливым торговцем и Мо Цюньцзюэ было невыносимо, у меня от этого тряслись руки и ноги. Когда мы покинули торговый дом, Мо Цюньцзюэ тащил меня за собой так быстро, что я едва поспевала за ним и путалась в юбках, но чаще, конечно, спотыкалась.

Выйдя на улицу, вместо того чтобы усадить меня в повозку, он втолкнул меня внутрь, а затем залез следом и захлопнул за собой дверь. Я почувствовала, как пространство мгновенно

сжалось от его присутствия. Вдруг стало тесно. Мо Цюньцзюэ сел напротив меня. Я видела, как тяжело вздымалась его грудь, а кулаки были сжаты до побелевших костяшек. Повозка тронулась, покачиваясь на неровностях дороги. Мы ехали в тишине, которая прерывалась всего лишь его и моим дыханием, стуком копыт и скрипом колёс. Я пыталась стать как можно меньше, вжаться в сиденье и смотрела в окно, лишь бы ни на миг не пересечься с ним взглядом.

И внезапно повозка подскочила на камне так сильно, что я потеряла равновесие и полетела вперёд. Он схватил меня, перехватывая за талию, и рывком притянул к себе, сажая почти на свои колени.

— Пусти меня! — вскрикнула я, упираясь руками в его твёрдую, как камень, грудь.

Страх и стыд пронеслись по моему телу огненной волной. Но он не отпустил. Вместо этого одну руку он намертво зафиксировал на моей талии, а второй перехватил мои бьющиеся его руки и сжал до боли запястья в своей огромной ладони. И прижал меня к себе так близко, отчего я чувствовала, как сильно и бешено стучало его сердце, отдаваясь в моей груди.

— Понравилось, как он смотрел на тебя и предлагал купить, словно породистую кобылу?! — прорычал он мне в лицо. В его глазах появилась ревность и ненависть.

— Да как ты смеешь! Ты сам загнал меня в эту ситуацию, лишил мою семью всего, а теперь смеешь осуждать меня за то, что я пытаюсь просто спастись и спасти мою мать и моего отца?! Отпусти меня, животное!

Я забилась в его руках и попыталась вырваться из капкана, но у меня не получалось. Я выкрикнула это слово, которое когда-то ранило его в детстве. Оно совершенно случайно сорвалось с языка, и Мо Цюньцзюэ замер. Его ноздри расширились от гнева, лицо отразило всё, что он испытывал: и гнев, и боль.

— Животное... Да, ты права, Чжаохуа, — прошептал он, и от этого голоса по моей спине пробежал холод. Он медленно опустил голову, его губы оказались в волоске от моих, отчего я слышала его дыхание, которое обжигало мою кожу. — Да, верно, я животное, которое ты и твоя семья выкормили своей жестокостью.

Его пальцы, которые держали меня за запястья, ослабили хватку и переместились на мою шею. Его большая жёсткая ладонь обхватила моё горло, давая понять свою власть, которая была несокрушима. Я замерла, боясь даже вздохнуть, мои глаза расширились, я смотрела в его лицо, которое показывало боль, гнев и какую-то тьму и желание, которых в нём не должно было быть.

— А теперь слушай меня внимательно. Ты не станешь ничьей наложницей. И не примешь помощи ни от торговца, ни от Су Ханьчжо, слышала меня? — Он говорил это глубоким голосом, который проникал прямо в кости. Большой палец руки медленно гладил нежную кожу на шее прямо над бьющейся веной. И, казалось, он гладил меня так, словно хотел присвоить, или словно я уже принадлежала ему. Эта ласка сводила меня с ума.

— Я тебе не принадлежу... Я тебя ненавижу, — прохрипела я, хотя моё тело дрожало от его близости и от жара его тела.

Уголок его губ дёрнулся в полуулыбке, и он наклонился ещё ближе, отчего его губы почти скользнули по моей скуле, направляясь к уху.

— Ненавидь меня так сильно, как только сможешь. Но запомни: твоя жизнь, твоя честь и твоё падение теперь принадлежат только мне. Если кто-то попытается забрать то, что принадлежит мне, то я утоплю эту столицу в крови, — шептал он, и его дыхание обжигало мочку моего уха, заставляя судорожно втягивать воздух.

И вдруг он резко отстранился, выпустив меня из своих объятий и откинувшись на спинку сиденья, возвращая на своё лицо холод и презрение. Я отползла к своему углу, глотая воздух и прижимая руку к шее, где всё ещё горел след от его прикосновения. Повозка продолжала свой путь, унося меня обратно в тюрьму, в которой моим стражем был Мо Цюньцзюэ.

29 апреля прод не будет. Придется готовиться к зачёту. Извините((

Глава 6

Я вернулась обратно в усадьбу как в тумане. Слова Цзюньцзюэ раз за разом стучали в моей голове. Он же сказал их из любви, скорее, под этими словами скрывалась такая тёмная пропасть, куда он собирался утянуть нас обоих. Я заперлась в своём павильоне, стараясь успокоиться и унять мелкую дрожь в руках, но у меня времени на слабость не было. И когда только состояние моей матушки так ухудшилось? Её лицо приобрело пепельный оттенок, а дыхание стало настолько слабым и отрывистым, что мне казалось, будто она вот-вот перешагнёт порог царства мёртвых. Лекаря ко мне по-прежнему не хотели пускать: Мо Цзюньцзюэ следовал какому-то своему извращённому кодексу. Но позволил доставлять травы из городской аптеки, которые заваривала наша служанка, выросшая в поместье, которой я доверяла как себе.

Тем вечером служанка принесла дымящуюся пиалу. Что заставило меня насторожиться? Запах, который исходил от отвара, был другим: в нем затесалась какая-то горчинка. А может быть заставило насторожиться то, как мелко подрагивали пальцы служанки, когда она ставила поднос на столик у кровати матушки?

— Подожди, ты сама сварила этот отвар, верно? — я перехватила её руку, когда она попыталась поспешно отступить к двери, чтобы побыстрее выйти. Она вздрогнула, а её лицо побелело от моей хватки.

— Да, первая госпожа, я всегда сама его варила. Томила на медленном огне, как вы приказывали.

Я подошла к столику и поднесла пиалу к лицу, улавливая приторную ноту. Приторную, горьковатую... И вспомнила, как когда-то отец рассказывал мне о видах ядов. Не обо всех, конечно, но о некоторых он рассказывал, и о том, как они могут пахнуть. Этот отвар пах соком корня чёрного лотоса, который медленно, день за днём останавливал сердце, имитируя естественное угасание жизни. И все эти дни мою матушку поили этой дрянью. Пол, казалось, ушёл у меня из-под ног. Враг был не только за стенами усадьбы, но и внутри. Тот, кто подбросил поддельное письмо, всё ещё находился здесь и методично подчищал концы, убирая свидетелей. И теперь на его стороне оказалась моя служанка.

— Сяо, кто тебе заплатил? — тихо прохрипела я, зло смотря на девушку. И ведь действительно, так она была виновата: она всё это время методично подсыпала яд своей же госпоже, моей матери. Как она смела это делать?!

— Госпожа, пощадите! Я не хотела, меня заставили! Они сказали, что это просто снотворное, чтобы госпожа не мучилась тревогой... И пригрозили продать младшего брата на каменоломню, только если я не добавлю эти капли в отвар. Я всего лишь жертва, госпожа!

— Кто они?! Отвечай сейчас же, кто они?!

— Я не видела лица, оно было скрыто. Мужчина в плаще встретил меня у задней калитки именно в тот момент, когда солдаты менялись на посту, и передал флакон. Сказал, что в следующий раз мы встретимся завтра ночью в старой кладовой. Госпожа, умоляю, пощадите! Я делала всё это, не желая зла! — всплакнула служанка и схватилась за мои ноги.

По её щекам текли слёзы, но меня это не трогало. В моей груди отдавались лишь боль и гнев, а ещё я чувствовала некое онемение. Близкий человек, оказывается, всё это время травил мою родную кровь. И, возможно, даже меня уже отравили, просто я об этом пока не знала.

— Вон! Закройся в своей комнате и не смей выходить! Если проговоришься кому-то об этом, клянусь, я лично сдам тебя гвардейцам и их командиру! И тогда тебе будет очень плохо.

Когда служанка убежала, я вылила отвар в кадку с цветком. В груди разгорался гнев, на части рвалось сердце. Я пощадила её. Человек, с которым я росла, предал меня, но предал ради своей семьи. Да и что она могла сделать против взрослого мужчины? Ничего. Но у меня появился шанс поймать того, кто уничтожил мою семью. Просто нужно пойти завтра ночью в

старую кладовую. Я не могла пойти к Мо Цзюньцзюэ, потому что он не поверит и решит, что это жалкая уловка. Ему, наоборот, выгодно, чтобы мою семью оболгали, а затем уничтожили. Он именно этого и желает, поэтому он мне не союзник. К тому же, после сцены в повозке сама мысль о том, чтобы искать с ним встречи, вызвала во мне панику и страх. По сути, за моим плечом не было никого, кто мог бы меня защитить, поэтому придётся сделать всё самой.

Следующая ночь выдалась безлунной. Облака закрыли собой небосвод, погрузив усадьбу, да и весь город, в непроглядный мрак. Я надела самое тёмное платье, которое у меня только было, перевязала волосы чёрной лентой и вооружилась бронзовым подсвечником — единственным оружием, которое смогла найти в своих покоях. Конечно, хотелось бы иметь меч или кинжал, но ничего подобного у меня не было.

Старая кладовая находилась в северном крыле, примыкающем к саду. Там как раз хранились сломанные паланкины и старые театральные сундуки. В воздухе кружилась пыль. Я тихонько приоткрыла дверь, скользнула внутрь и спряталась за массивными сундуками, крепко сжимая в руках подсвечник. Я старалась практически не дышать, чтобы не выдать своё местоположение, но не могла: страх начал сковывать грудную клетку и позвоночник. Руки слегка подрагивали, но мысленно я заставляла себя прийти в чувство и разжечь силу в крови. В конце концов, это самый важный момент: если я ошибусь, то никогда не смогу доказать невиновность своей семьи.

Ожидание тянулось бесконечно долго. Ноги затекли, холод пробирался под юбку, и я уже подумала, что шпион не придёт. Но в этот момент дверь бесшумно отворилась. В проёме показался силуэт. Человек осторожно двигался, кутаясь в широкий плащ. Он остановился посреди кладовой и издал звук, похожий на крик ночной птицы. Должно быть, это был условный знак.

Я задержала дыхание, предвкушая триумф. Мне нужно было увидеть его лицо, несмотря ни на что. Незнакомец нетерпеливо щёлкнул огнём, зажигая крошечный огонёк, чтобы осмотреться. И вот тогда я смогла разглядеть его черты. Это был помощник управляющего, человек, который служил моему отцу двадцать лет. Всё это время он, оказывается, был предателем и всё спланировал.

Гнев ослепил меня, разум словно отключился. Я выскочила из-за сундука и замахнулась подсвечником, ощущая такую боль, такое предательство... слёзы навернулись на глаза. Я хотела наказать преступника, который уничтожил мою семью.

— Предатель! — воскликнула я.

Но он обернулся быстрее, чем я ожидала. На секунду он испугался, но тут же в его глазах вспыхнула уверенность. Он легко увернулся от моего удара, отчего тяжёлая бронза лишь вскользь задела его плечо. Подсвечник вылетел из моих рук и с грохотом ударился о стену.

Прежде чем я успела закричать, мужчина бросился на меня. Его пальцы грубо сомкнулись на моем горле, сбивая с ног, и мы рухнули на пол. Я забилась, пытаясь скинуть его с себя, впинаясь ногтями в его лицо, желая расцарапать, и целилась в глаза. В пылу борьбы мы во что-то врезались, и раздался треск разбивающегося фарфора, осколки которого разлетелись во все стороны. Инстинктивно выставив руку, чтобы опереться об пол, я почувствовала острую боль в ладони, и тогда я громко вскрикнула.

Предатель понял, что медлить больше нельзя, и метнулся к двери: звуки борьбы были слишком громкими, стража должна была нас услышать. Но не успел он сделать и двух шагов, как в проёме появилась высокая массивная фигура. Одним ловким, стремительным движением вошедший перехватил предателя за горло, оторвал от земли и впечатал в косяк двери, отчего мужчина захрипел и задёргал ногами в воздухе.

— Взять его и в пыточную. Я спущусь к нему позже, а пока свяжите, — рявкнул ледяным, не терпящим возражений голосом Мо Цзюньцзюэ подбежавшим с факелами гвардейцам.

Предателя тут же увели. Мо Цзюньцзюэ перешагнул через порог, забрал факел у одного из солдат и осветил разгромленную кладовую. Я сидела на полу среди черепков, прижимая

раненую, окровавленную руку к груди. Кровь пачкала чёрное платье, но в темноте это было плохо видно. Лицо Мо Цзюньцзюэ изменилось, он словно превратился в злого духа. Он подошёл ближе, хрустя тяжёлыми сапогами по фарфору.

— Какая же ты самоуверенная дура, — процедил он сквозь зубы, воткнул факел в земляной пол и резко опустился передо мной на колено.

— Не трогай меня, не подходи, я хочу видеть твоё лицо! — прошипела я, пытаюсь отодвинуться, но лишь уткнулась спиной в сундук.

— Замолчи, — выплюнул он, и я вздрогнула.

Его жёсткие пальцы сомкнулись на моем запястье и оторвали мою руку от груди. Он поднёс её к свету факела и присмотрелся к глубокой ране поперёк всей ладони, из которой струилась кровь, капая на пол. У Мо Цзюньцзюэ расширились ноздри и заходили желваки. Он злился. Причём злился так, словно не мог иначе, у него просто не получалось подавить эту ярость. Как будто кто-то сломал его вещь.

В следующее мгновение у меня замерло дыхание. Мо Цзюньцзюэ подхватил меня на руки как пушинку. Мне ничего не оставалось делать, кроме как ухватиться за ворот его одеяний, чтобы не упасть.

— Отпусти меня, я могу идти сама... — попыталась вырваться я.

— Я повторяю: заткнись, — произнёс он с гневом.

Он нёс меня через внутренние дворы очень быстро, отчего я ещё крепче ухватилась за его воротник — никогда раньше я не передвигалась с такой скоростью. Стражники расступались перед ним, опуская глаза в пол, словно ничего не замечая. Он принёс меня в бывший кабинет отца, который теперь служил ему штабом, толкнул дверь сапогом, внося меня внутрь, и усадил на широкий стол прямо поверх каких-то отчётов.

— Сейчас же принести воду, чистые ткани и крепкое рисовое вино. Живо! — рявкнул он в открытую дверь.

И пока солдаты выполняли приказ, подошёл к столу и встал прямо передо мной. Мы оказались непозволительно близко. Я сидела на краю стола, и мои колени почти касались его бёдер. В этот миг я не осмелилась поднять на него глаза, только смотрела на свою окровавленную ладонь.

Когда принесли всё необходимое, Мо Цзюньцзюэ выгнал гвардейцев и с грохотом закрыл дверь, оставляя нас наедине. Он придвинул табурет и сел напротив, взяв мою руку в свои. Его движения были грубыми, резкими, но в то же время очень осторожными. Обмакнув чистую ткань в чашу с водой, он принялся смывать кровь с моей ладони. Мозолистые пальцы касались нежной кожи, отчего волоски на моих руках вставали дыбом.

— Ну и зачем ты туда полезла, Чжаохуа? — глухо и недовольно проговорил он, не поднимая глаз от моей раны.

— Этот человек отравил мою матушку. Это именно он подставил нас и внедрил своих людей к усадьбу. Если бы я пошла к тебе, ты бы просто рассмеялся мне в лицо. Для тебя я всего лишь глупая девчонка, которая играет в спасение семьи. К тому же, ты желаешь моего падения. И ты бы не позволил мне самой схватить преступника.

Мо Цзюньцзюэ замер и медленно поднял взгляд, отчего по моей спине прошёлся холодок — его чёрные глаза, казалось, поглощали весь свет.

— Верно, ты глупая девчонка. Если бы он оказался вооружён, ты бы сейчас лежала на полу с перерезанным горлом, — прошептал он, и вслед за холодком по моей спине пробежали мурашки.

Он отбросил окровавленную ткань, взял бутылку с вином и вытащил пробку зубами.

— Будет больно, но ты потерпишь, — сухо проговорил он. И, прежде чем я успела кивнуть, плеснул жидкость прямо мне на рану.

Резкая, пронзительная боль скрутила тело. Из груди вырвался стон, я дёрнулась, пытаюсь вырваться, но он держал руку железной хваткой. А затем его ладонь зарылась в мои волосы, и он мягко, но властно притянул меня к себе, отчего мой лоб уткнулся в его каменное плечо.

— Терпи, так надо, — хрипло выдохнул он мне в макушку.

Я замерла от его действий. Боль отступила, вытесненная шоком от того, что он совершил. Я сидела, прижавшись лицом к человеку, который ненавидел меня всем сердцем и желал уничтожить. Но сейчас я слышала его тяжёлое сердцебиение и чувствовала жар его тела. Рука на моем затылке не двигалась, но само её присутствие делало этот момент таким неправильным. Он как будто защищал меня, но своей больной, извращённой защитой.

— Кто бы это ни сделал, он совершил ошибку, — тихо прошептал Мо Цюньцзюэ, перевязывая мою ладонь льняной тканью. Его дыхание шевелило волоски на моей шее. — Они забыли, кто теперь охраняет этот дом.

Мо Цюньцзюэ закончил перевязку, затянув узел чуть сильнее, чем требовалось, словно в наказание за моё самоволие. Затем его рука, всё ещё покоящаяся на моем затылке, медленно соскользнула вниз вдоль линии шеи, и грубые пальцы задержались на бьющейся жилке. Я подняла лицо, и мы оказались нос к носу.

В кабинете царил полумрак, разгоняемый лишь одной-единственной свечой. Он смотрел на меня так же, как тогда в повозке. В его взгляде я видела борьбу между многолетней ненавистью и чем-то тёмным, что притягивало нас друг к другу. Тем, что я не имела права называть своим именем.

— Странно, ты не убьёшь меня сам и не позволяешь убить другим. Почему же, Мо Цюньцзюэ? Почему ты просто не дашь нам сгнить, как всегда об этом мечтал?

Его глаза сузились, и он подался вперёд, отчего его лицо оказалось на волосок от моего. Я почувствовала терпкий запах вина, витающий в воздухе.

— Потому что я всё ещё не наигрался тобой, Чжаохуа, — прошептал он, и его большой палец мазнул по моей скуле, смахивая несуществующую слезу. — Я хочу, чтобы ты смотрела на меня, когда твой мир будет рушиться. И чтобы ты знала: единственное, что стоит между тобой и бездной, — это я. Твой безродный щенок.

Он резко отстранился, встал и отвернулся, скрывая лицо. Я чувствовала себя так, словно меня натянули как струну.

— Иди к себе, — жёстко бросил он холодным и бесстрастным голосом. — И не пытайся больше играть в героиню. Завтра я выбью из помощника каждое имя, которое он знает, и твои враги станут моими. Но не обольщайся, сестрёнка, это не делает нас союзниками. Никогда.

Я соскользнула со стола, прижимая к груди перевязанную руку, а сердце колотилось как бешеное. Мо Цюньцзюэ прав: мы не союзники, скорее, два скорпиона в одном кувшине. Но сейчас я нуждалась в нём.

Глава 7

Наступило утро. Именно тогда меня разбудила моя рука, которая пульсировала текучей болью. Ткань, наложенная Мо Цюньцзюэ, пропиталась сукровицей и потемнела. Каждый раз, когда я пыталась согнуть пальцы, эту ладонь словно прошивали насквозь раскалённые иглы. Вместе с этой болью в душе поселилось смятение. Я всё ещё чувствовала жар ладони на своём затылке и слышала хриплый шёпот Мо Цюньцзюэ, а также вспоминала его слова про то, что он единственный, кто стоит между мной и бездной. И как горько было осознавать, что мой личный палач стал единственным защитником. Это было похоже на то, как если бы в пустыне дали умирающему от жажды чашу с ядом, и он бы выпил, потому что это была вода.

— Госпожа, вам нужно поесть. Командир приказал, чтобы вы не покидали покои до полудня, — служанка вошла в комнату тихими, медленными шагами. После вчерашнего её глаза стали красными от слёз, а голос дрожал. Видимо, чувствовала вину за всё сделанное. Она поставила передо мной поднос с жидкой рисовой кашей и паровой булочкой.

— Где Цюньцзюэ? — спросила я, игнорируя еду. Есть мне не хотелось, я хотела только избавиться от этой боли и от смятения внутри.

— В пыточной, госпожа, с самого рассвета. И оттуда доносятся такие звуки, что даже гвардейцы отворачиваются. Помощник управляющего постоянно кричит...

Сяо побледнела. Я закрыла глаза, представив Мо Цюньцзюэ, его холодные глаза и руки, которые бережно перевязывали мою рану, а теперь ломали кости человеку, который служил в моей семье десятилетиями. Казалось, что в нём уживались два зверя: один из которых был милосердным, а другой — беспощадным.

— Унеси это, я не хочу есть. Пойду в сад.

— Но командир запретил вам...

— Я не могу просто сидеть здесь, Сяо, — тихо, но твёрдо произнесла я, с трудом поднимаясь с кушетки и игнорируя слабость в ногах. — Мой род гибнет. Если я запрусь в четырёх стенах, то просто сойду с ума от неизвестности. Мне нужен воздух.

Я накинула на плечи лёгкую накидку и вышла на галерею. В саду было очень тихо. Гвардейцы стояли на своих постах словно изваяния и провожали меня взглядами, в которых больше не было никакой насмешки и тем более этого сального взгляда, как в первые дни. Только лишь любопытство и настороженность.

Я шла мимо пруда и увидела Мо Цюньцзюэ: стоя у каменного мостика, он опустил руки в холодную воду. Его верхняя одежда лежала на камнях. И поэтому он сейчас остался в одной нижней рубаше из тонкого хлопка. На ткани виднелись мелкие брызги крови. Он умывался так, словно пытался смыть с себя не только чужую кровь, но и саму память о том, что недавно делал в пыточной.

Услышав мои шаги, он не обернулся, но мышцы его спины напряглись. Я смотрела на него и понимала, что его тело было выковано годами лишений и сражений. Это был идеальный инструмент войны. И это доказывали его слишком широкие плечи и узкая талия.

— Я приказал тебе сидеть в покоях, но ты ослушалась, — произнёс он сухим, безжизненным голосом.

— Я... я всего лишь вышла подышать, — мой голос предательски дрогнул, но я заставила себя вскинуть подбородок. — Пока я не в темнице, я имею право ходить по своему саду.

Мо Цюньцзюэ выпрямился, вытирая руки куском ткани, и медленно повернулся ко мне бледным лицом, с мертвыми глазами. Во взгляде не было вчерашней искры и той тьмы... только усталость.

— Помощник заговорил. Оказалось, он был лишь мелкой рыбёшкой. Письмо ему передал человек из клана Су. А Су Ханьчжо не так чист, как его шёлковые одежды, как оказалось.

Моё сердце пропустило удар. Не может быть. Су Ханьчжо... тот человек, который касался моего лица с такой нежностью и кто обещал помощь... это он всё подстроил? Нет, я не верю в это, зачем ему это делать?

— Не может быть... — я в ужасе отшатнулась, качая головой, и мои пальцы судорожно скомкали ткань накидки. — Зачем ему это? Ты лжешь... Ты просто хочешь окончательно запутать меня и отрезать от любой помощи!

Мо Цзюньцзюэ резко сократил расстояние между нами, схватив меня за здоровую руку, и притянул к себе так близко, отчего я почувствовала запах воды.

— Какая ещё ревность? — он усмехнулся. — Думаешь, я трачу время на такие ничтожные чувства? Пока ты грезил о спасении какого-то принца, Су Ханьчжо методично затягивал петлю на шее твоего отца и твоей матушки. Ну, и тебе. Им нужен ваш южный шёлк, и они его получили.

— Если это правда, почему ты рассказываешь это мне? Ты ведь хотел видеть наше падение.

Его хватка на моём предплечье стала слишком сильной, отчего я чувствовала боль, но не смела этого показать. Мо Цзюньцзюэ смотрел на меня так, словно хотел выпить саму душу.

— Потому что я ненавижу, когда меня считают дураком. И ненавижу, когда кто-то другой пытается подчинить и сломать то, что предназначено для меня. Твой Су Ханьчжо играет в вэйци, а я просто выжигаю поле боя.

Он посмотрел на мою завязанную руку, и его лицо на мгновение смягчилось.

— Бинт стал грязным. Идём со мной.

Он, не спрашивая разрешения, повёл меня обратно к дому, и мы вошли в малую чайную, выходящую окнами на бамбуковую рощу, где было прохладно и пахло травами. Мо Цзюньцзюэ усадил меня и достал шкатулку с лекарствами. Скупыми и точными движениями он своими огромными мозолистыми ладонями взял мою маленькую руку, положил на свою ладонь, отчего я могла ощутить холод его кожи от воды, и начал медленно и осторожно разматывать ткань, слой за слоем. Когда показалась глубокая, воспалённая рана, я невольно вздрогнула и попыталась дёрнуть руку.

— Сиди смирно, — жёстко приказал он.

Цзюньцзюэ крепко держал моё запястье и взял мазь на основе жира и лепестков пиона, отчего тяжёлый сладковатый аромат заполнил комнату. Мо Цзюньцзюэ начал втирать лекарство в края раны с нежностью. По сути, этот человек владел оружием и недавно пытал врага моей семьи, но сейчас так трепетал над раной. Я смотрела на него, на его опущенные ресницы, на упрямую линию рта, и понимала, что это не был тот командир гвардии, а тот самый мальчик, которому я когда-то запрещала смотреть на солнце, потому что оно принадлежало только мне.

— Почему ты это делаешь? Зачем ты заботаешься о моей ране, если завтра можешь отправить меня на плаху? — прошептала я, чувствуя, как моё сердце сильно бьётся от боли. А сам мой голос прозвучал жалко и надломленно.

Мо Цзюньцзюэ замер. Пальцы застыли на моей ладони, и он поднял глаза.

— На плаху идут за измену. А ты виновна лишь в том, что родилась в доме, где гордость ценится выше жизни, — тихо ответил он, и я увидела, что в его взгляде больше не было тьмы. — Ты помнишь тот день, Чжаохуа, который был десять лет назад, когда ты приказала слугам бросить мою единственную деревянную лошадку в огонь? Ты тогда смеялась и говорила, что у рабов не может быть привязанностей, и тем более вещей.

Моё горло перехватило от досады, я вспомнила тот день. Его маленькую обожжённую фигурку коня, и то, как он смотрел на огонь, где она сгорала, не проронив ни единой слезинки. Такое далёкое воспоминание, но сейчас оно почему-то причиняло мне боль.

— Я была всего лишь ребёнком... жестоким ребёнком, — прошептала я.

— Нет. Ты была госпожой, ты всегда была ею. И даже сейчас, когда твой мир в руинах, ты смотришь на меня как на пыль. Самое безумное в том, что я не могу перестать желать, чтобы ты и дальше смотрела на меня так. Я хочу, чтобы ты смотрела только на меня, даже если в этом взгляде будет одна ненависть.

Он приблизился ко мне, отчего его дыхание коснулось моих губ, и поднёс раненую руку к своим губам. Я замерла, не смея даже пошевелиться, сердце моё колотилось о рёбра как безумное. Мо Цюньцзюэ едва коснулся кожи выше бинта мимолётным поцелуем, но от этого по моему телу прошла волна жара, что у меня аж потемнело в глазах. Но этот момент прервался как лопнувшая нить.

— Командир! Прибыл посланник от канцлера! Срочное донесение о первом советнике! — в дверь громко постучали.

И Мо Цюньцзюэ мгновенно отстранился. Холодное лицо вернулось. Он всегда был таким: никогда не смел поддаваться чувствам полностью. Он поднялся, одёрнул рубаху и, не глядя на меня, шагнул к двери.

— Оставайся здесь. Не смей снимать повязку, — бросил он через плечо и ушёл, оставив меня одну.

Моё сердце трепетало так, словно хотело выпрыгнуть. Сама я чувствовала, что между нами было слишком много невысказанных слов. Я смотрела на свою руку, где всё ещё едва ощущался след его губ, ощущая всё так, словно он до сих пор держал мою руку у своего лица.

Я понимала, что Су Ханьчжо и все другие — враги моего клана. Но также врагом был Мо Цюньцзюэ. Однако если я могла защищаться от него своей бронёй госпожи, то против его нежности у меня не было никакой защиты и оружия.

Глава 8

Новость, которую принёс посланник канцлера, уничтожила то хрупкое спокойствие, что успело установиться. Я сидела в своих покоях, уставившись на завязанную руку, и прислушивалась к суете, которая поднялась во внешнем дворе. Слышала громкие приказы, лязг доспехов и топот сапог гвардейцев, которые сливались в тревожную какофонию. И чувствовала, как по спине бегут мурашки от неизвестности, которая душила меня, словно удавка. Что с отцом? Неужели его перевели в другие темницы, откуда никто не возвращался? А если он попал в нижние темницы? Он же тогда сойдёт с ума.

Я ждала, и это ожидание длилось мучительно долго. Солнце уже перевалило за зенит, когда за дверями послышались тяжёлые, чеканные шаги. Створки раздвинулись, и на пороге появился Мо Цюньцзюэ, заполнив своей подавляющей аурой всё пространство. Чёрная броня слегка блестела в остатках дневного света. Лицо потемнело от ярости, челюсти были сжаты так сильно, что на скулах ходили желваки.

— Идём в рабочий зал, — коротко бросил он, не удостоивая меня взглядом.

Я молча поднялась. Задавать вопросы в коридоре было бы глупостью, не хотелось, чтобы другие слушали. Поэтому я молчала и шла следом.

— Всего через три дня твоему отцу предъявят обвинения на утреннем собрании двора перед ликом Сына Неба, — сказал Мо Цюньцзюэ, когда мы вошли. У меня округлились глаза, а земля словно ушла из-под ног.

Через три дня будет объявлен приговор. За такой короткий срок невозможно было собрать доказательства невиновности, особенно когда я была заперта в собственном доме. Нам словно подрезали крылья, чтобы мы никогда не посмели даже доказать свою правоту.

— Помощник управляющего ведь уже признался! Ты сам всё слышал, он сказал, что это Су Ханьчжо и его люди подбросили письма! Разве этого недостаточно, чтобы оправдать моего отца у цензоров?! — воскликнула я, сделав шаг вперёд, но Мо Цюньцзюэ издал короткий, злой смешок.

— Слова раба, вырванные под пытками, против репутации благородного клана Су? Ты, видимо, совсем потеряла рассудок, Фан Чжаохуа. Су Ханьчжо — племянник императорской супруги. Если я приду во дворец и скажу, что выбил признание из старика, меня поднимут на смех, а твоему отцу отрубят голову в тот же день. Включи мозги. Нам нужны неопровержимые доказательства: бумаги, печати, финансовые следы, которые докажут, что золото из южных провинций оседало в его павильоне, а не в ваших сундуках. Только так можно будет оправдать твоего отца и твою семью в целом.

Слово «нам» странно отозвалось в груди, заставив сердце сжаться. Нам? Неужели человек, который еще вчера клялся уничтожить мой род, теперь говорит так, словно мы стоим на одной стороне? Я не смела в это верить, но где-то в глубине души заворочалась крошечная, пугающая надежда, за которую я тут же возненавидела себя.

— Почему ты это делаешь? Если ты хочешь доказать измену Су Ханьчжо, почему же не делаешь это тайно? Зачем вмешиваешь меня и в то же время наслаждаешься моим падением? — произнесла я, смотря в его тёмные, непроницаемые глаза.

Мо Цюньцзюэ подался вперёд.

— Не льсти себе так сильно, Фан Чжаохуа. Я делаю это точно не ради тебя. Его дом получил контроль над южными торговыми путями и купил половину армии. Я служу трону, а не твоим капризам, и прямо сейчас ты мне нужна, — проговорил он и выразительно взглянул на расправленные по столу свитки.

Я удивлённо приподняла бровь: зачем ему я нужна?

— Твой отец был не только советником, но и купцом, и всегда вёл двойную бухгалтерию, — он придвинул стопку дощечек. — Я нашёл его дневники, но они написаны скрытым шифром. Символами, которые использовались в древней поэзии эпохи прошлой династии. Мои книжники бьются над этой разгадкой, но никак не могут её найти.

Мо Цзюньцзюэ обошёл стол и остановился так близко, что я почувствовала запах кожи, исходящий от его одежды.

— Мне известно, что ты помогала переписывать его трактаты. Поэтому ты должна знать этот шифр. А теперь садись и читай, Фан Чжаохуа. Мне нужно знать правду.

Его голос понизился, перейдя на шёпот, но в нём всё равно скользила угроза. Мо Цзюньцзюэ указал на низкий столик у окна, где как раз были приготовлены кисти, чернильный камень и стопка рисовой бумаги. Он приказывал мне, но в то же время подавал соломинку утопающему: если я смогу расшифровать записи, то найду зацепку, которая ведёт к Су Ханьчжо, и тогда у нас появится шанс. Небеса даровали мне возможность, и я не собиралась от неё отказываться, даже если все кары небесные упадут на мою голову сегодня. Я подошла к столику и опустилась на подушку, подобрав подол платья. Мо Цзюньцзюэ взял один из свитков и сел рядом со мной.

Слишком близко. Так близко, отчего наши колени едва не соприкоснулись. Пространство сузилось до этого крошечного столика. Я чувствовала исходящий от него жар, или же это моё тело так реагировало. В комнате воцарилась гнетущая тишина, которая давила на плечи. Я взяла палочку чёрной туши, чтобы растереть её, но едва напрягла кисть, как рана на ладони отозвалась болью. Я невольно поморщилась. Рука дрогнула, и кусок туши упал на поднос. Мо Цзюньцзюэ раздражённо вздохнул, и я мысленно сжалась, ожидая очередной насмешки. Но её не последовало: вместо колкости он перехватил мою руку и коснулся своими мозолистыми, большими пальцами моей ладони, перенимая вес и направляя движение. В этот момент моё дыхание остановилось. Я чувствовала его грубую, испещрённую шрамами кожу. Он начал медленно водить моей рукой по камню, растирая тушь круг за кругом.

— Не напрягай ладонь, пусть работает запястье, — прошептал он, заставляя волосы на моём затылке встать дыбом.

Глава 9

Это было невыносимо. Его рука была на моей, а дыхание касалось моей кожи. Густой древесный аромат туши поднимался от камня и смешивался с его запахом. Я чувствовала себя так, словно меня окунули в кипяток, а затем выставили на мороз. Я хотела вырвать руку, ударить его. Но тело меня не слушалось: я обмякла под его властью, подчиняясь странному, порочному ритму. Когда тушь стала достаточно густой, он медленно убрал руку. Мне потребовалась вся моя сила, чтобы не издать стон от внезапной потери этого тепла.

— А теперь читай, — хрипло приказал он, отвлекая меня на доли секунды, словно сам уже почувствовал опасность этого долгого прикосновения, которого теперь не хватало нам обоим.

Я развернула свиток дрожащими руками и вчиталась. Строки состояли из вычурных, архаичных иероглифов. Я сразу поняла, что это были стихи, написанные поэтами из восточных провинций. Но голос подвёл меня, я не могла начать. Пришлось прочистить горло, прежде чем заговорить.

— Стихи написаны поэтами, но ключом является каждый третий символ, если читать столбцы справа налево.

Стараясь держать кисть двумя пальцами, чтобы не тревожить рану, я начала выводить слова на чистой бумаге. Мо Цзюньцзюэ следил за моими движениями так внимательно, что это заставляло напрягаться. Так прошло несколько часов. Тени в кабинете всё больше удлинялись, приобретая лиловые и тёмно-синие оттенки. Слуги, зашедшие в комнату, зажгли фонари в коридоре. Мы работали в напряжённом молчании. Строки складывались в безрадостную картину. Отец действительно отслеживал потоки серебра, которые уходили мимо императорской казны. И нити эти все вели к подставным торговым домам, которые, в свою очередь, вели к знакомому нам человеку.

— Здесь запись о двадцати тысячах золотых, что одолжил господин Лу Тансюань. Переписка гласит, что долг перекуплен Белым Журавлём, — я указала кончиком кисти на последний переведённый столбец.

Мои глаза слипались от усталости, спина ныла от сидения без опоры, и Мо Цзюньцзюэ выпрямился.

— Белый Журавль — это личный символ Су Ханьчжо.

— Значит, Су Ханьчжо держит на поводке Лу Тансюаня. И в тот раз тот мерзавец предлагал мне стать его наложницей не по своей воле.

Головоломка в моей голове начала складываться в неприятную картину: Су Ханьчжо играл со мной. Желал сделать покорной марионеткой чужими руками, оставаясь при этом моим благородным спасителем в белых одеждах. Я почувствовала тошноту. И заметила, как лицо Мо Цзюньцзюэ отразило торжество и одновременно гнев.

— Я же говорил, что твой изящный спаситель — просто расчётливый ублюдок. Он хотел унижить тебя и бросить в постель торговца, чтобы потом выкупить и сделать своей послушной собакой, — проговорил он голосом, полным яда, и склонился надо мной.

Слова Мо Цзюньцзюэ били меня, как плети. Я сжала губы, сдерживая слёзы от унижения и обиды: я была всего лишь камешком на доске, который передвигали мужчины, даже не спрашивая моего согласия, и думали, что могут со мной так играть.

— А ты... ты, наверное, торжествуешь? — мой голос дрогнул, предательски выдавая подступающие слезы от унижения. Я опустила голову, не в силах смотреть на него. — Должно быть, тебе смешно видеть, как легко меня обманули, превратив в жалкую, слепую марионетку в чужой игре...

Лицо Мо Цзюньцзюэ потемнело, торжество исчезло, уступив место опасности. Он резко подался вперёд, перехватывая моё запястье, отчего кисть выпала из моих и без того слабых пальцев, поставив уродливую кляксу на бумаге.

— Если бы я хотел втоптать тебя в грязь, то ты бы уже валялась у моих ног давным-давно, умоляя о пощаде. Даже не смей сравнивать меня с этими трусами, я не прячусь за чужими спинами. Если я решу сломать тебя, то сделаю это, глядя прямо в глаза, и своими собственными руками, — прошипел он так, словно был разъярённой гремучей змеей.

Его хватка стала настолько жёсткой, что мне стало больно. Мы смотрели друг на друга как два зверя, выслеживающих, кто и как начнёт нападать. Казалось, воздух вокруг нас заискрился. И в этот момент за окном раздался тихий, едва слышный стук, отчего мы оба замерли. Цзюньцзюэ нехотя отпустил мою руку и, схватившись за меч, бесшумно подошёл к окну, где на каменном подоконнике лежал маленький предмет. Это была ветка дикой сливы, вокруг которой был обёрнут кусок белого шёлка. Он взял её двумя пальцами, словно ядовитое насекомое, и развернул ткань. Его спина напряглась. А когда глаза впились в строчки, он развернулся ко мне, и я увидела, как в них полыхает безумие. Скомкав послание, он швырнул его мне на колени.

— Читай, — рявкнул он, отчего по моей спине пробежали мурашки.

«Луна не должна скрываться во мраке. Завтра в час Собаки у старой беседки в восточном саду. У меня есть новости о вашем батюшке. Су Ханьчжо».

— Это безумие... — прошептала я, побелев от страха и глядя на кусок шелка как на ядовитую змею. — Зачем он зовет меня туда, если сад кишит твоими людьми? Это ловушка... Но что... что если у него правда есть новости об отце?

— И что ты решила, сестрёнка? — его голос вибрировал от гнева, который, казалось, готов был вырваться наружу и уничтожить всё вокруг. — Побежишь к нему и позволишь снова гладить себя по волосам, пока он продаёт жизнь твоего отца?

— Я... — он не дал мне договорить, резко схватив за подбородок и заставляя смотреть только на него.

— Запомни: если ты пойдёшь туда и сделаешь хоть шаг навстречу ублюдку, то я больше не буду играть в благородство. Я сожгу вас обоих, — прошептал он мне прямо в губы, обдавая жаром своего дыхания.

Оттолкнув меня, он развернулся и стремительно вышел из рабочего зала, захлопнув дверь так, что с потолка посыпалась пыль. Я осталась одна, сжимая дрожащую руку, а сердце билось так, что причиняло боль. Если я пойду, то он обезумеет от ярости. Но я не могла не пойти: Су Ханьчжо мог быть последним фрагментом головоломки. Я должна всё выяснить.

Глава 10

Говорят, ненависть — это ледяной клинок или же кипящая смола, которая течёт по венам вместо крови, разъедает всё внутри и забивает дыхание в груди, отчего каждый вдох даётся с хрипом. Ненависть была моим щитом и моим проклятием все эти десять лет. Я кормил ею свою боль, выковывая стальную броню, которая позволила мне выжить в грязи среди убийц и интриганов. Я смог подняться с самых низов, переступая через трупы, только ради того, чтобы однажды вернуться в поместье Фан и увидеть, как эти благородные, надменные господа захлёбываются собственной кровью и валяются у меня в ногах.

Я желал сломать Фан Чжаохуа, растоптать её мир. Но я просчитался и не учёл одного: эта смола, которая всё это время кипела во мне, на самом деле была отравлена. И ядом была именно Фан Чжаохуа.

Я сидел в темноте своего рабочего зала, не желая зажигать свечей. Перед глазами стояло её бледное и испуганное лицо, когда я прижимал её к стене в архиве. А также я помнил её запах: она пахла орхидеей и чем-то чистым, девичьим. Помнил ощущение и вес её хрупкого тела в своих руках. Это воспоминание обжигало меня... Сами небеса видели, как я её хотел.

Это желание было сродни пытке, которое скручивало мои внутренности в тугой узел, заставляло мышцы каменеть, а челюсти — сжиматься. Я желал разорвать эти шёлковые тряпки на ней, впиться поцелуем в её надменные губы до тех пор, пока она не начнёт задыхаться, умоляя меня остановиться или же продолжить. Я хотел заклеить её, чтобы каждый ублюдок в этой проклятой империи знал, что она принадлежит зверю.

Я вспомнил слова, которые сказал ей перед тем, как уйти. Я дал ей выбор. И сейчас, когда час Собаки неумолимо приближался, я сидел и ждал, что же она выберет.

Мой слуга тихо постучал в дверь, открыл её и вошёл, остановившись на пороге.

— Господин, к задним воротам сада прибыл человек. Охрана пропустила его, как вы приказывали, — произнёс он, и у меня в груди что-то оборвалось. Значит, Су Ханьчжо решил явиться.

— А госпожа? — глухо прохрипел я, отчего лейтенант невольно поёжился.

— Первая госпожа покинула свой павильон и направилась к старой беседке.

Вдох, а затем второй. Ослепляющий гнев ударил в голову, вытесняя разум. Она пошла к нему после всего, что я сказал! После того, как я лечил её раны! Эта дура предпочла поверить сладкоречивому интригану, который втянул её отца в болото, из которого не выбраться.

— Никто не должен входить в восточный сад, — приказал я, поднимаясь из-за стола и сжимая рукоять изогнутого меча так, что дерево заскрипело. — Никто туда не должен входить, что бы вы ни слышали. Понятно?

— Да, командир.

Я покинул свой рабочий зал и вышел в ночь, применяя технику лёгких шагов, которую отточил до совершенства: она позволяла сливаться с тенями. Это была основа подготовки стражи. Нас обучали этому, и сейчас я мог бесшумно приблизиться к ним и наблюдать.

Я перемахнул через невысокую каменную ограду и замер на крыше крытой галереи, надёжно скрытой густыми ветвями старого дерева. Туман в это время плотно стелился по земле. В центре сада, у полуразрушенной беседки, оплетённой диким виноградом, стояли двое.

Одной из них была Фан Чжаохуа в тёмном плаще со скинутым капюшоном, обнажившим высокую причёску. А напротив неё стоял Су Ханьчжо в своих неизменных белых одеждах, которые в полумраке, казалось, едва заметно светились. Я не мог расслышать каждое слово: как назло, они говорили тихо, опасаясь стражи, но обрывки фраз всё же долетали до меня.

— Вы рискуете собой, господин Су Ханьчжо, — произнесла Фан Чжаохуа без той нежности, которую когда-то сама ему выказывала.

Но сам факт того, что она разговаривала с ним, выводил меня из себя.

— Ради вас, Чжаохуа, я готов рискнуть гораздо большим, — ласково, по-кошачьи произнёс ублюдок.

Его голос резал мои нервы похлеще ножа. Су Ханьчжо сделал к ней шаг, и она не отстранилась. Хотя должна была!

— Ваш отец находится на нижних уровнях тюрьмы. Но, как я вам уже говорил, у меня есть люди. Я могу передать ему лекарство и письмо. А также я нашёл свидетеля, который сможет подтвердить, что поддельные письма подбросили люди Мо Цзюньцзюэ.

Как только до меня долетели эти слова, мои глаза гневно сузились. Лживый, скользкий змей. Он искусно плёл свою паутину, перекидывая вину на меня, чтобы окончательно отрезать Чжаохуа от любой другой помощи и привязать к себе. Идеальный, белоснежный «спаситель». Чтоб его ударило тысячью молний!

— Но помощник сказал совсем другое... — начала Фан Чжаохуа, но Су Ханьчжо мягко перебил её.

— Помощник мог сказать всё что угодно под пытками Мо Цзюньцзюэ. Неужели вы верите этому бешеному псу? Ведь он ненавидит вашу семью и лишь играет с вами. Вы должны быть благоразумнее, общаясь с цепными собаками.

Плечи Фан Чжаохуа дрогнули. Я видел, что этот ублюдок поселил в ней сомнения, отравляя её разум. И у него это получалось! От ярости мир вокруг меня окрасился в красный цвет. Этот холёный благородный господин протянул руку, взял ладонь Фан Чжаохуа, склонился и коснулся губами её тонких пальцев.

И она стояла! Даже не смея пошевелиться, и не вырвала руку! Видимо, его ложь так сильно затмила ей разум, как и слепая надежда спасти отца. Неужели она не могла понять очевидного?!

Ветка дерева толщиной в мужскую руку, на которую я опирался, переломилась пополам, и этот резкий треск эхом разнёсся по саду. Су Ханьчжо резко выпрямился, отпуская её ладонь, и оглянулся на крону дерева, где скрывался я. Фан Чжаохуа испуганно отшатнулась назад.

Я чувствовал, как кровь кипит в моих жилах. Стоило лишь прыгнуть вниз, выхватить меч и сделать всего одно стремительное движение — и его голова покатится по мокрой траве. Мой внутренний зверь ревел и царапал рёбра, желая выбраться на свободу. Желая разорвать его на куски, стереть в порошок, в такую мелкую пыль, чтобы после него не осталось абсолютно ничего.

Но я не мог этого сделать. Если Су Ханьчжо умрёт на земле моей усадьбы, то клан Фан будет уничтожен на рассвете как соучастники убийства члена императорской семьи. А меня без всяких зазрений совести и оглядки на какие-либо прошлые заслуги казнят с особой жестокостью. И тогда я не смогу ни доказать измену, ни спасти её отца, ни, тем более, спасти её саму.

Я знал это, и от осознания горькой правды заставил себя насильно разжать пальцы от дерева. Ногти впились в ладони с такой силой, что я почувствовал, как по коже течёт горячая кровь.

— Здесь небезопасно. Уходите. Я скоро свяжусь с вами, Фан Чжаохуа. И не верьте никому. Особенно ему, — тихо и поспешно произнёс Су Ханьчжо, после чего скрылся в тумане.

Фан Чжаохуа постояла ещё мгновение, прижимая к груди руку, которую он только что поцеловал, а затем пошла в сторону своего павильона. Я смотрел, как она уходит, и чувствовал, как внутри меня разрастается неконтролируемая буря из гнева и злости.

Фан Чжаохуа сделала свой выбор. Предала меня, мою заботу и наше хрупкое перемирие ради лживых обещаний врага.

Я решил не идти за ней сразу. Спрыгнув с крыши во внутренний двор, я с такой силой ударил кулаком о каменную кладку стены, что кожа закровоточила. Затем еще раз, еще и еще.

Но физическая боль не могла заглушить это всепоглощающее бешенство. Перед глазами всё ещё стоял этот проклятый поцелуй и то, как она покорно позволила ему это сделать. Фан Чжао-оуха сделала свой выбор. И теперь я сожгу их обоих.

5 мая прод не будет. Буду готовиться к первому экзамену из четырёх. Извините((

Глава 11

Спустя час, когда поместье наконец погрузилось в глубокий сон, я направился к павильону Фан Чжаохуа, сбросив доспехи. Стражники, охранявшие двери её покоев, завидев моё лицо, тут же расступились, даже не пытаясь отдать честь: они чувствовали, какая аура витала вокруг меня. Я хотел убивать.

Я даже не подумал о том, чтобы постучать, и ударил по тонким створкам из дерева и бумаги с такой силой, что переборки хрустнули, щеколда отлетела, а сами дверцы надломились и рухнули на пол. Да и если подумать, не так уж много сил нужно, чтобы их сломать.

Фан Чжаохуа сидела у своего женского столика с заколками в одной лишь тонкой шёлковой чжуни[1]. Услышав грохот, она подскочила, выронив гребень из ладоней; её распущенные тяжёлые волосы тёмным водопадом рассыпались по плечам. Я с ледяным гневом смотрел на неё и видел перед собой лишь добычу.

— Что всё это значит?! Как ты смеешь врываться ко мне... — начала она.

Мне было плевать на слова. Я пересёк комнату в три огромных шага, не дав ей договорить. Схватил за плечи с такой силой, что она вскрикнула, и впечатал в колонну, поддерживавшую балдахин кровати.

— Как я смею? Это *ты* как смеешь, Фан Чжаохуа?! — прорычал я, нависая над ней и лишая всякой возможности пошевелиться, чтобы сбежать. А сбежать я ей не позволю.

Я чувствовал нежность и мягкость её кожи под своими ладонями. Чувствовал, что она была намного ниже меня. От этого моё тело само тянулось к ней, такой мягкой, незащищённой и зажатой в моих руках.

— Пусти, ты пьян!

Она пыталась вырваться, ударяя ладонями в мою грудь, но мне было все равно. Сладкий, прекрасный запах, свойственный только ей, ударил мне в ноздри, а затем в голову, напрочь лишая какого-либо разума.

— Я трезв! И от этого мне хочется убивать ещё сильнее! — я наклонился ближе к её лицу, чувствуя безумную тягу, смешанную с гневом. — Я запретил тебе туда ходить! Но ты побежала к нему сразу же, по первому мановению руки, как безвольная дворовая девка!

— Не смей так со мной разговаривать! Он принёс мне вести об отце! Он единственный, кто пытается мне помочь, пока ты держишь меня взаперти и играешь в свои игры!

Она выпрямилась, пытаясь стать выше, насколько это было возможно в моём захвате. В её глазах горел гнев, но в самой их глубине я отчётливо видел страх.

— Помочь? Да он никогда не пытался тебе помочь, ты, наивная дура! Он всего лишь скормливает тебе ложь, чтобы ты сама принесла ему на ладонях остатки вашего влияния! И ты... ты стояла там и позволяла ему трогать тебя и целовать твои руки! Как ты смеешь?! — я сорвался.

Не сдерживая больше своё безумие, я перехватил её ладони и прижал их к колонне над её головой. Я навалился на неё так сильно, что мне самому не хватало воздуха. Моя грудь касалась её мягких изгибов. Я чувствовал, как сквозь тонкий шёлк, который практически ничего не скрывал, бешено бьётся её сердце, отдаваясь толчками прямо в мою грудь.

Всё это сводило меня с ума. Гнев, злоба и тёмная страсть начали сливаться воедино. Я хотел наказать её, потому что она не смеет разговаривать с какими-либо другими мужчинами, кроме меня.

— Да, мне было противно стоять рядом с ним! — воскликнула она мне в лицо. — Но если от меня это требуется, то я сделаю всё что угодно, чтобы спасти отца и матушку! Даже если для этого мне придётся терпеть его прикосновения!

Её слова били меня, как удары хлыста надсмотрщика в далёком прошлом. Она будет терпеть. Одно это слово выводило меня из себя.

— Нет, ты не будешь это делать, — прохрипел я, чувствуя, как всё внутри натянулось, словно тетива.

Моя рука, до этого сжимавшая её плечо, властно скользнула к шее. Я обхватил её горло так, чтобы большой палец лёг точно на пульсирующую вену. Я чувствовал, как её жизнь бьётся под моей огрубевшей кожей, и увидел в её глазах ещё больше страха и гнева.

— Ты ничего не будешь терпеть от других мужчин, потому что ты принадлежишь мне. Твоя ненависть, твой страх, твоя жизнь — мои, — шептал я ей прямо в лицо, подаваясь всем телом и вдавливая её в колонну ещё сильнее. Мне хотелось ощущать её тело и как можно больше тепла.

Внизу живота потянуло тяжестью, и я почувствовал, как напряглась моя плоть.

— Если этот ублюдок ещё раз посмеет прикоснуться к тебе своими грязными пальцами, я отрублю ему руки, вырежу губы и заставлю тебя смотреть, как он захлёбывается собственной кровью. И это будет по твоей вине.

Она задохнулась, слова застряли у неё в горле, а в глазах блеснули слёзы. Я видел, что она напугана и абсолютно бессильна передо мной. А ещё она не ожидала тех жестоких слов, что сорвались с моих губ.

— Ты безумец... дикий, жестокий безумец, — прошептала она.

Её губы дрожали, и от этого мне хотелось прикоснуться к ним ещё больше. Смять их, прокусить до крови, чтобы она не смела больше ничего говорить. Я хотел пить её стоны, которых пока не было.

— Да, я безумен. И это ты сделала меня таким, — прошептал я прямо в эти сладкие, дрожащие уста. — Ты сама вылепила этого монстра своим унижением, а теперь почему-то удивляешься, что он хочет тебя сожрать.

Гнев тёк по моим жилам вперемешку с темной похотью. Я прижался к ней настолько плотно, насколько это было возможно, и она, несомненно, почувствовала опасную, тяжелую твердость моего желания, от которой ей было некуда скрыться.

Я смотрел на её приоткрытые, влажные, манящие губы, уже предвкушая их вкус. Мой взгляд скользнул по её лицу, по тонкой шее, которую хотелось искушать, и тяжело вздымающейся груди, которую хотелось смять своими пальцами. Чем больше я на неё смотрел, чем больше прикасался, тем сильнее у меня темнело в глазах от желания.

Я хотел выжечь из неё все мысли о других и доказать ей и самому себе, что она полностью подчинена и принадлежит мне. Что её тело — моё, и её душа — моя.

Я наклонил голову, мазнув носом по её скуле. Она резко, судорожно выдохнула и замерла, нутром чувствуя опасность, которую я сейчас представлял. Но она не отвернулась, лишь ждала, что я сделаю. Мои губы почти коснулись её губ, я чувствовал их жар. Ещё немного, ещё один вдох — и я бы сорвался. Вбил бы в неё поцелуем, разрушив любые преграды, разделяющие нас. Всё моё существо тянулось к ней. Я еле сопротивлялся и даже не хотел, но...

В тот самый миг, когда наши губы почти встретились, я уловил её взгляд, в котром был страх и подчинение неизбежному. Её глаза так и кричали, что она подчинится лишь потому, что у неё нет выбора, и что она не сможет сопротивляться моей воле.

И тогда меня словно окатило ледяной водой из горного озера. Я резко отшатнулся, выпуская её из рук. Фан Чжаохуа судорожно задышала. Я отступил на несколько шагов, тяжело вздымая грудь, словно только что пробежал десять ли. Моя плоть всё ещё тянулась к ней, как и всё моё нутро, но я не посмел больше подойти.

Она стояла, едва держась на ногах, и прижимала руки к груди, словно защищаясь. В её огромных, тёмных глазах плескался страх вперемешку с болью.

— Мне не нужна твоя покорность от безысходности, — прошипел я, отступая. Я ненавидел себя за то, что не мог причинить ей боль, и ненавидел её страх, когда больше всего на свете жаждал увидеть в этих глазах ответное сладкое желание.

Я посмотрел на неё в последний раз, запоминая каждую деталь: растрёпанные волосы, помятый шёлк и губы, которые я до одури желал поцеловать.

— Когда я докажу вину твоего обожаемого Су Ханьчжо, ты поймёшь, что единственный человек, который никогда тебе не лгал — это я. — Я сделал шаг к выходу, отдаляя себя от неё, и мое тело от этого ломило. — И тогда ты сама ко мне придёшь, предлагая свое тело. И я не остановлюсь.

Я развернулся и вышел, оставив позади выломанные двери, которые уже начали приводить в порядок мои стражники. Мне нужно было успокоить свою кровь и найти способ уничтожить Су Ханьчжо до того, как его белоснежная ложь окончательно отравит её разум. Иначе я её окончательно потеряю.

[1] Чжуни (Zhongyi / ##) — Легкая, обычно белая или светлая рубаха из тончайшего шелка с длинными рукавами. Её надевали под основные халаты.

Глава 12

Проснувшись утром, я не почувствовала ни капельки легкости на душе. Сидя перед бронзовым зеркалом и глядя на своё отражение, я ощущала лишь пустоту. И совершенно не узнавала ту, что смотрела на меня оттуда. Под глазами залегли густые тени, а губы казались припухшими, хотя Цзюньцзюэ едва их коснулся.

Я помнила ег

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.